

на Кой-Су (1). Онъ долженъ былъ еще требовать освобожденія Константина, сына Царя Александра, въ доказательство, что Грузинскій Царь и безъ заложниковъ будетъ вѣренъ Шаху, и тайно освѣдомиться, отправилъ ли послѣдній Посольство въ Грузію.

Шахъ-Аббасъ, безъ сомнѣнія мало прельщенный этими объясненіями, отвѣчалъ Звѣнигородскому, что Грузія съ давнихъ временъ считается данницею Персіи, а Константинъ Мусульманиномъ, но что онъ предоставитъ ему на его волю, остаться или ѣхать. Сверхъ того, прибавилъ Ферхадъ-Ханъ, Александръ имѣетъ двухъ другихъ сыновей, и, вступивъ подъ покровительство Россіи, не имѣетъ нужды въ третьемъ; что если онъ хочетъ одного изъ нихъ послать къ Царю, Шахъ отпуститъ его съ женою и со всѣмъ семействомъ; что къ тому же Царь Грузинскій — человѣкъ, которому не лзя вѣрить: потому что, отдавъ Константина Шаху, другаго сына своего отправилъ онъ въ Турцію; что два года тому (въ 1592) Шахъ послалъ къ нему гонца Бекъ-Мирзу съ 100 туманами серебра, для переговоровъ о свадьбѣ (2); но что онъ убилъ Бекъ-Мирзу и завладѣлъ

(1) Настоящее положеніе этого города описано слѣдующимъ образомъ въ статейномъ спискѣ Савина, Л. 52: «Царь основалъ городъ на рѣкѣ Кой-Су, близъ моря, на мѣстѣ, откуда Шамхалъ извлекалъ огромнѣйшія выгоды, — изъ пашень, луговъ и рыбной ловли.

(2) Два мѣста въ бумагахъ Посольства Савина объясняютъ намъ все дѣло объ этомъ сватовствѣ. Воевода Хилковъ писалъ изъ Терекъ, отъ 30-го Августа 1597 года: «Отъѣздъ Посланниковъ отложенъ былъ окончательно, до 14 Сентября: потому что Александръ истратилъ все свои богатства на подарки Персіянамъ и Туркамъ, и на приданое дочери своей, которую онъ выдалъ за Дадіана». Этимъ извиненіемъ, кажется,

деньгами; позже Шахъ-Верди-Бекъ, другой Персидскій гонецъ, попалъ тоже въ засаду, приготовленную Царемъ: все это доказываетъ, что не лзя полагаться на Государя, который съ Царемъ Христіанинъ, съ Турками Мусульманинъ, которымъ платитъ онъ

можно доказать, что бракъ недавно состоялся». Савинъ между прочимъ извѣщаетъ Царя, что Турки, въ 1596, 97 году, приказали Александру заплатить имъ обыкновенную дань, который послалъ къ матери Султана Махмета пять сороковъ соболей и 10 рыбьихъ зубовъ, желая получить пошадю; но вмѣсто послѣдней, ему угрожаютъ войною. Онъ уже далъ болѣе 60 возовъ шелка въ дань за два года: потому что ежегодно платитъ онъ тридцать. Въ 1595, 96 году, продолжаетъ Савинъ, Шахъ-Аббасъ просилъ у Александра въ замужество дочери его, и поручилъ Посланнику своему Бири-Беку (выше Бекъ-Мирзѣ) передать ему богатые подарки; но Царь отказалъ ему въ рукѣ дочери, сказавъ, что она обручена уже съ Дадіаномъ, и отдалъ ее этому Князю съ богатымъ приданымъ, состоявшимъ изъ подарковъ Шаха; что касается послѣдняго, то онъ ему послалъ лошадей и 20 возовъ сѣраго шелку. Наконецъ въ 1596, 97 году Шахъ просилъ для себя чрезъ Вели-Хана (выше Шахъ-Верди-Бека) красивой дѣвицы Царской крови, угрожая, въ случаѣ отказа, войною Грузіи и уже собралъ войска на границѣ. Чтобы Ферганъ-Ханъ не начиналъ войны съ Грузіею, Царь отправилъ къ нему съ Посланникомъ своимъ Іасономъ племяннику своей жены. Самъ онъ провожалъ ее двадцать верстъ, а сыновья его Георгій и Давидъ—до границы. Въ то же время Шахъ поручилъ Зигфаръ-Хану просить сестры Султана, съ приданымъ, которое составляли бы Дербентъ, Шамаха и другіе города, занятые Турками, угрожая взять ихъ силою по окончаніи мира между двумя Имперіями. Султанъ принялъ хорошо Посланника, и обѣщалъ отдать свою сестру». *Отписки изъ Грузіи.... Савина, Л. 16, 18.* Такъ какъ мы занимаемся здѣсь только Грузинскою Исторіею, то замѣтимъ, что Вахуштъ относитъ свадьбу дочери Александра съ Дадіаномъ Манучаромъ къ 1590 или 1591 году, смерть же Царевны этой, называемой Нестанъ-Дареджанъ, къ 1591 году (стр. 187, 274). Леванъ, сынъ ея, по словамъ

ежегодной дати 30 возовъ шелку. Къ сожалѣнію, факты эти справедливы; но не надобно терять изъ виду, что Грузинскаго Монарха обвиняютъ Мусульмане. Что касается Шамхала, то Шахъ спросилъ, что это за война Русскихъ съ нимъ; Звѣнигородскій отвѣчалъ, что это ссора между нимъ и Теркскими людьми. Шахъ изъявилъ желаніе, чтобъ его поберегли, говоря, что онъ отдѣлился отъ него только на время, съ тѣхъ поръ, какъ Турки вступили въ Ширванъ, и былъ непреклоненъ въ своемъ намѣреніи, пока не рассказали ему въ подробности всѣхъ поступковъ Дагестанцевъ.

Въ грамотѣ, посланной съ Савинымъ къ Царю Александру, Царь напоминаетъ ему объ успѣхахъ Русскихъ въ двѣ предыдущія экспедиціи и довольно рѣзко упрекаетъ его за то, что онъ не принялъ участія въ послѣдней, въ которой Русскія войска, по завоеваніи Тарки и приморскихъ мѣстъ, ожидавъ его долгое время, должны были удалиться, слѣдовательно одержали успѣхъ не полный. Такъ какъ Александръ въ письмѣ своемъ къ Царю, доставленномъ Всеволодскимъ, сказалъ ему, что, слѣдуя совѣтамъ его, онъ примирился съ зятемъ своимъ Симеономъ, Царемъ Карталинскимъ, и что они оба надѣются завоевать обратно для него Мин-

нашего Автора, родился въ 1591 г., и ему было 13 лѣтъ въ 1604 г.; по Шардену, онъ былъ еще ребенкомъ при смерти своего отца, въ 1611 г. Изъ этихъ двухъ противорѣчащихъ свидѣтельствъ, второе болѣе соотвѣтствуетъ разсказу Савина, по крайней мѣрѣ въ отношеніи женитьбы въ 1596 г.; что касается племянницы Царицы Кахетіи, она была изъ фамиліи Амилахоръ, но Исторія ничего не говоритъ объ отправленіи ея въ Персію.

грелію, Грузію и страну Мамурчанскую (*), отдѣлившуюся отъ нихъ, посему Θεодоръ Іоанновичъ хвалитъ его за послушаніе и проситъ, чтобы онъ убѣдилъ Симеона также прибѣгнуть къ покровительству Русскихъ, посредствомъ Посольства къ нимъ; что Посолъ будетъ принять хорошо и къ Симеону также отправятъ Посланника (*).

Савинъ долженъ былъ отправиться моремъ изъ Астрахани до Терекъ, лошади же должны были слѣдовать сухимъ путемъ; потомъ изъ Терекъ итти къ Сунжѣ и кабакамъ Солокскимъ и Алкасовымъ. Онъ имѣлъ порученіе пристыдить Царя за то, что онъ не могъ присоединиться къ Русской арміи, которая дѣйствуетъ въ странѣ Шамхала и получила приказаніе не вступать безъ него въ землю Кумыковъ. Хотя экспедиція была еще не кончена, однакожъ Шамхалъ покорился, и ему приказано не беспокоить болѣе Александра. Если кто-либо изъ Грузинскихъ Князей захотѣлъ бы вступить въ сношенія съ Царемъ, Савинъ долженъ былъ одобрить ихъ въ этомъ намѣреніи; если Александръ не захочетъ отправить другихъ Посланниковъ, онъ долженъ требовать этого именемъ благодарности; если Государь этотъ будетъ просить помощи въ войскѣ, снабженномъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, онъ

(*) Александръ прежде говорилъ о находящихся въ сосѣдствѣ съ его краемъ Христіанскихъ народахъ *Мегрели* и *Татіаны*, какъ о двухъ различныхъ націяхъ. Здѣсь приведены названія Мингрельской, Гуріельской и Мамурчанской земель; первыя двѣ хорошо извѣстны, но третья представляетъ затрудненіе: ибо ниже (*Отправленіе Савина*, стр. 53) въ подобной же фразѣ сказано Мамучанская: мы думаемъ, что слово это есть переименованіе Манучара, имени Атабека или Паши Ахалцыхскаго, который въ то время тамъ властвовалъ.

ему скажетъ, что имѣетъ приказаніе дать ему войска тотчасъ же, по совершенномъ пораженіи Шамхала, но что онъ долженъ снабдить оное лошадьми; если онъ будетъ жаловаться, что царскіе подарки малы, онъ ему объяснитъ, что война съ Шамхаломъ чрезвычайна разорительна, что къ тому же самъ Царь не такъ много обращаетъ вниманія на количество подарковъ Александра, сколько на ихъ красоту и рѣдкость: если Александръ умретъ, онъ долженъ грамоту и подарки отдать сыну его, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуя, чтобы сей послѣдній присягнулъ на вѣрность. Кромѣ того Савину надобно было увѣдомить Царя, что Султанъ Махмедъ, сынъ Мурада, не хочетъ вступать, подобно отцу своему, въ дипломатическія сношенія съ Россіею, и тайно развѣдать о сношеніяхъ Царя съ Персіею и Турціею.

Чтобы понять инструкціи, данныя относительно подарковъ, надобно знать, что Царь отправилъ съ этимъ Посольствомъ мѣховъ на 168 рублей, но переоцѣненныхъ въ 35 рублей. Были также подарки отъ Годунова и отъ Патріарха, состоявшіе, кромѣ благословенія и подарковъ Посланникамъ, также изъ мѣховъ на 70 рублей. Грузинскіе Посланники представлялись ему 8 Октября 1595 года.

Савинъ везъ еще посланіе Патріарха Іова, писанное въ Іюнѣ 1596, въ которомъ говорилъ онъ, что ходатайствовалъ о продолженіи войны съ Шамхаломъ до тѣхъ поръ, пока не очистится совершенно дорога въ Грузію. Наконецъ Годуновъ писалъ, что, не смотря на успѣхи Засѣкина на Кой-Су и Хворостинина на прибрежныхъ мѣстахъ, посланы будутъ новыя войска сражаться въ тѣхъ мѣстахъ. Еρμο-

генъ, Казанскій Митрополитъ, долженъ былъ отправить съ Посольствомъ одного монаха, а письмо къ Кабардинскимъ Князьмъ Солоку и Алкасу даны были для болѣе безопаснаго пути Посольству.

Савинъ 3 Іюля пріѣхалъ въ Коломну; 16-го въ Муромъ; 20-го въ Нижній-Новгородъ; 27-го въ Казань, откуда отправился 5-го Августа, потому что судно, на которомъ плылъ Хуршитъ, надобно было перемѣнить. Выѣхавъ изъ Самары 10-го Августа, онъ прибылъ въ Астрахань 29-го, гдѣ Воеводою былъ тогда Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ; изъ Астрахани отправился онъ моремъ 20 Сентября 1596 года, лошади же пошли сухимъ путемъ подъ прикрытіемъ 330 человѣкъ; 11 Октября пріѣхалъ въ Терки, управляемый Окольнымъ Андреемъ Ивановичемъ Хворостининымъ и Воеводою Василиемъ Ивановичемъ Хилковымъ. Оставивъ Терки 1 Ноября, сопровождаемый прикрытіемъ изъ 540 человѣкъ, 7-го пріѣхалъ онъ въ Сунжу; оттуда выѣхалъ онъ 12-го, дождавшись пѣхоты, слѣдовавшей водою, и продолжалъ путь по примѣру Князя Звѣнигородскаго. 21-го Ноября онъ достигъ до мѣста на разстояніи одного дни отъ ущелій Кабардинскихъ Князей и расположился на Терекѣ; Солокъ провелъ его чрезъ ущелья; Алкасъ-Мирза и сынъ его Араксанъ — до Ларскаго кабака. 24-го онъ отправился къ ущельямъ страны Сони; 27-го прибылъ къ кабаку Сонскому; 28-го къ Снѣжнымъ горамъ, которыя прошелъ онъ съ трудомъ, идя день и ночь пѣшкомъ посреди снѣга, для сбереженія лошадей; 2-го Декабря Князь Аристокъ Сонскій встрѣтилъ Посольство, снабдилъ оное жизненными припасами и сопровождалъ

его версту. 7-го, Фарсаданъ, Грузинскій Дворянинъ, встрѣтилъ ихъ со стороны Александра на обыкновенномъ мѣстѣ, и на жалобу Савина, что, подобно Всеволодскому, его предшественнику, не были высланы ему свѣжія лошади, отвѣчалъ, что о его прибытіи узнали слишкомъ поздно. Онъ повелъ ихъ къ Буйатану, который, кажется, то же, что Боетанъ, на рѣкѣ Белакнисъ-Цкали. Въ 5-ти верстахъ оттуда встрѣтили они Князя Іорама, который проводилъ ихъ до самаго Боетана; наконецъ 14-го Декабря 1596 года, послѣ пятимѣсячнаго съ половиною похода, они были представлены Царю Княземъ Микою. Царь всталъ и скинулъ шапку для принятія чрезъ Савина Патріаршаго благословенія и выслушанія рѣчи Посланниковъ.

Послѣ первой аудіенціи, Савинъ обѣдалъ за Царскимъ столомъ, гдѣ находился между прочимъ Филиппъ Алавердель. Первая, открывшаяся трудность состояла въ способахъ веденія переговоровъ. Грузино-Русскій толмачъ Царя Александра умеръ; Государь этотъ хотѣлъ, чтобы Савинъ приказалъ читать письма Русскому Подьячему, чтобы они переведены были потомъ его драгоманомъ на Турецкій языкъ, съ котораго Алавердель и Бояре переведутъ уже на Грузинскій. Прежде переводилъ на Греческій языкъ монахъ Кириллъ. Савинъ возразилъ, что у него нѣтъ никого, кто могъ бы переводить по Турецки и жаловался на предполагаемый тройной переводъ. Въ среду, 15 Декабря, когда разсуждали о томъ же самомъ предметѣ, онъ прибавилъ, что его Толмачи по Турецки знаютъ говорить, но не читать, что трудно передать на Турецкій языкъ

нѣкоторыя мѣста Священнаго Писанія, и что переводъ, сдѣланный тремя лицами, будетъ имѣть большія несообразности. На это Грузинскіе Князья Капчина и Уманъ возразили совершенно справедливо, что, отдавъ переводъ писемъ въ иностранную землю, надобно опасаться всегда обнародованія тайнъ Александра и Царя. Кажется, что наконецъ согласились съ предложеніемъ Грузинцевъ, которые по ихъ словамъ знали всѣ по Турецки. Если это справедливо, то нуженъ былъ третій Грузинскій переводъ? Вотъ въ чемъ не можемъ мы дать себѣ отчета.

16 Декабря, Савинъ отправился въ Тогу, и выѣхалъ оттуда 31-го; 2 Февраля 1597 г., пріѣхалъ онъ въ Загемъ; 22-го въ Тону (1), гдѣ былъ Царь, и принятъ былъ Мтаваромъ Абелемъ. Тамъ Дворянинъ Сарозонъ, Сорозанъ, или Сариданъ посланъ былъ къ нему для переговоровъ. Савинъ объяснилъ ему, что городъ Тарки, разрушенный Хворостининымъ, находился на мѣстѣ мало выгодномъ; Русскіе, не имѣя возможности занять его съ пользою, построили новый городъ, о которомъ говорено было выше. Сариданъ утверждалъ, что новый городъ не устраситъ Горцевъ, которые теперь, собравшись подъ одно знамя, болѣе чѣмъ когда-либо беспокоятъ Грузію, и замѣтилъ, что Александръ, успокоенный со стороны Турокъ платежемъ имъ дани, со стороны Персовъ своимъ сыномъ и дочерью, данными въ заложники (2), тогда только вздумалъ всту-

(1) Мѣсто неизвѣстное.

(2) Грузинскія Лѣтописи говорятъ только о Константинѣ; но Искендеръ-Мунджи рассказываетъ, что съ сыномъ своимъ Александръ отдалъ, въ 1579 г., Мирзѣ Пехлувану, Посланнику Шаха, свою дочь, назначенную для сына и наследни-

пить въ сношеніе съ Царемъ, когда Шамхаль съ своимъ войскомъ началъ опустошать его владѣнія. Къ несчастію, ему невозможно было посылать войско противъ непріятеля, покровительствуемаго горами; въ противномъ случаѣ, имѣя войска въ пять разъ болѣе, онъ отправился бы лично въ походъ и не покупалъ бы спокойствія, платя деньги Дагестанскому Князю. Эти разсужденія нисколько не убѣдили Савина. Онъ хвалилъ Царя за примиреніе съ Турками и Персіянами; говорилъ, что онъ долженъ итти противъ непріятелей, уже разбитыхъ Русскими, слѣдуя по той дорогѣ, по которой шли они въ Грузію, и прибавилъ, что стыдно находить это невозможнымъ и платить такую дань. Сариданъ сказалъ потомъ о намѣреніи своего Государя убѣдить Царя Симеона, дабы онъ вступилъ подъ покровительство Россіи, не ручаясь однакожь за успѣхъ; Савинъ отвѣчалъ, что Царь побужденъ къ тому единственно любовію къ Христіанской Вѣрѣ и желаніемъ внушить Мусульманамъ спасительный страхъ.

Посланники отправились потомъ изъ Тона въ Загемъ; 14-го Апрѣля они выѣхали оттуда въ Гремъ, куда прибыли 19-го; мѣстомъ жительства ихъ назначена была Шульда или Шильда, въ 3 верстахъ отъ Грема. 21-го были они въ Гремѣ и обѣдали у Царя, вмѣстѣ съ Дворянами Микою и Канчиною. Тамъ Александръ сказалъ имъ, что Солокъ и Айтекъ—Мирза напали на страну его Сони; собравшіяся войска его успѣли захватить бо́льшую часть захваченныхъ ими плѣнныхъ. Кабардинскій Князь Алкасъ, съ своей

ка Худа-Бендеха. По словамъ Грузинцевъ, Константинъ отданъ былъ Шаху Тамазу, слѣдовательно прежде 1876 года.

стороны, увѣдомилъ Царя объ удаленіи обоихъ непріятелей и освободилъ множество плѣнниковъ; теперь Солокъ просилъ у Теркскихъ Воеводъ помощи, для начатія новаго вторженія. Савинъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ о происшествіяхъ Кабарды, но что Солокъ самый сильный тамошній Князь и притомъ преданный слуга Россіи, между тѣмъ какъ Алкасъ отказался посылать по очереди своихъ сыновей заложниками въ Терки; въ заключеніе просилъ онъ, чтобъ его отпустили. Александръ возразилъ, что ѣхать слишкомъ рано, что чрезъ снѣга едва можно проложить дорогу для одного пѣшаго, и что гонецъ, отправленный имъ къ Царю Симеону, еще не возвращался. Савинъ просилъ его не вступаться такъ сильно за интересы Князя Алкаса, употребить всѣ возможные усилія для склоненія прочихъ Князей Христіанскихъ и Дадіана, его зятя (1), вступить подъ покровительство Царя; онъ однакожь согласился, по желанію Царя, написать въ Терки въ пользу Кабардинскаго Князя. 23-го Апрѣля, Кириллъ объявилъ Посланникамъ, что они будутъ отпущены въ концѣ Мая, и что къ нимъ присоединится Князь Давидъ Кузьминъ (2). Въ Маѣ Царь еще

(1) Выше говорено было о женитьбѣ Князя этого на дочери Александра; Грузинская Исторія говоритъ, что Княгиня умерла, годъ спустя, разрѣшившись Леономъ. Образъ выраженія Савина о ея супругѣ, кажется, подтверждаетъ мнѣніе наше, что свадьба происходила не ранѣе 1596 г., и показываетъ, что дочь Царя жила еще въ то время, когда Савинъ былъ въ Гремѣ, т. е. 21-го Апрѣля 1597 года. Слѣдовательно, надобно исправить въ этомъ смыслѣ Грузинскую Хронологію.

(2) Въ *Отпискахъ*..... Савина Л. 4, находятся тѣ же самыя подробности, содержащіяся въ письмѣ отъ 23 Апрѣля 1597 го-

разъ отложилъ ихъ отъѣздъ: потому что, по бѣдности своей, онъ не могъ въ это время дать приличныхъ подарковъ Царю и обѣщалъ отправить съ Посольствомъ Князя Сулимана и Дьяка Левонтія или Леона. Отъѣздъ Посланниковъ назначенъ былъ наконецъ 14 Сентября 1597 года; Савинъ же выѣхалъ изъ Грема 3-го Октября. Въ три недѣли доѣхалъ до страны Сони, и, не найдя для дальнѣйшаго своего слѣдованія прикрытія въ Ларсовомъ кабацѣ, пробылъ тамъ въ ожиданіи онаго полтара мѣсяца. Ему совѣтовали провести зиму въ Грузіи, и онъ возвратился въ Тогу за недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ. Дьякъ его Полухановъ былъ болѣнъ, а Драгоманъ его умеръ около того времени. Неизвѣстно, что онъ дѣлалъ до самаго дня Пасхи, 16-го Апрѣля 1598 года; въ этотъ день онъ обѣдалъ у Царя въ деревни Алони. Въ слѣдующій четвергъ, Александръ, бывшій въ Шильдѣ, возвратился въ Гремъ и отпустилъ Савина въ понедѣльникъ, на пятой недѣлѣ послѣ Пасхи или 22-го Мая. Черезъ три недѣли, 12-го Іюня, прибылъ онъ въ Сони, съ Княземъ Сулиманомъ Булалиномъ, сыномъ Байндура, и Дьякомъ Левон-

да (посланномъ къ Воеводамъ Терскимъ, съ нарочнымъ, Грузинцемъ Іушкою или Георгіемъ Арзеквымъ), въ которомъ Александръ проситъ у нихъ защиты Алкасу. Во второмъ письмѣ (тамъ же, Л. 6) отъ 15-го Мая, Царь писалъ Воеводѣ Князю Хилкову, что онъ хочетъ отпустить Посланниковъ, и что онъ снова завоевалъ нѣкоторыя области, отъ него отдѣлившіяся; сверхъ того просилъ, чтобы Хилковъ не подавалъ никакой помощи Горскимъ Черкесамъ, возставшимъ противъ Алкаса, который въ этомъ случаѣ взялъ его сторону. Последнее обстоятельство объясняетъ намъ слова Александра, по поводу экспедиціи Солокз въ страну Сони.

тіемъ Янковымъ (1). Цѣлые три мѣсяца, до дня предъ кануномъ Св. Симеона (2), ждалъ онъ тамъ прикрытія. Наконецъ получилъ онъ отъ Князя Ѳеодора Лобанова — Ростовскаго, Теркскаго Воеводы, письмо отъ имени Царя Бориса Годунова, изъ котораго узналъ въ первый разъ о восшествіи на тронъ этого Монарха (3). Важная перемѣна династіи, происшедшая въ этомъ году въ Россіи, была, безъ сомнѣнія, виною, что совершенно позабыли послать приказаніе о возвращеніи Посольства, скрывавшагося посреди Кавказа. Выѣхавъ изъ Березуевскаго кабака 1-го Сентября 1598 года, Савинъ пріѣхалъ въ Терки 8-го; оттуда выѣхалъ 21-го, а 18-го Октября былъ уже въ Астрахани, гдѣ, по просьбѣ Сулимана, провелъ зиму, которая была чрезвычайно жестокая (4).

(1) Въ грамотѣ Царя Александра, отправленной съ этими Посланниками, вмѣсто имени Левонтіи, находится Ревазъ Мугалбеговъ; фамилія эта, также какъ Янкова и Бузалина, къ которымъ принадлежалъ Князь Сулиманъ, намъ неизвѣстна.

(2) То есть за два дня предъ первымъ числомъ Греческаго года 1598 г.: ибо день Св. Симеона празднуется 1-го Сентября.

(3) Ѳеодоръ Іоанновичъ умеръ 6-го Генваря; Годуновъ согласился быть его преемникомъ 2-го Феврала, въ Москву вступилъ 30-го Апрѣля, и коронованъ 1-го Сентября.

(4) *Пріездъ... Сулимана*, Л. 3. Въ этомъ же документѣ (Л. 7) находится просьба Сулимана Царю, безъ числа, въ которой онъ жалуется, что Иванъ Нашокинъ, Астраханскій Воевода, не отпускаетъ его, по причинѣ большихъ подарковъ, которые онъ везетъ къ Царю. Онъ пришелъ, пишетъ онъ, въ Терки съ двумя посланными Шигъ-Мирзы-Окутцскаго, которыхъ Воеводы отправили въ Москву, и о которыхъ онъ хочетъ говорить съ Монархомъ. Потому онъ проситъ, не отпускать этихъ посланныхъ изъ Москвы до его прибытія. Далѣе (Л. 10) видно письмо Савина Царю, безъ чи-

Прежде нежели будемъ описывать возвращеніе Савина въ столицу Россіи, скажемъ, что случилось на Кой-Су: это отдѣльное, но любопытное происшествіе дастъ понятіе о составѣ арміи Шамхала и о числительной ея силѣ въ 1598 году.

По письму отъ Князя Оедора Лобанова, Терк-скаго Воеводы, полученнаго 12-го Апрѣля, Сурхай, сынъ Шамхала, прибылъ къ Кой-Су 8-го Марта, и сказалъ, что для возвращенія Русскихъ Посланниковъ нуженъ огромный отрядъ: потому что въ горахъ собралось болѣе 15,000 всадниковъ, не считая пѣхоты; кромѣ того, нѣсколько кораблей, нагруженныхъ провіантомъ для Русскихъ поселеній, претерпѣли крушеніе. По другому письму, безъ числа, Алгасъ, одинъ изъ Горцевъ, служившихъ проводниками Князю Хворостинину, сообщилъ слѣдующія подробности о лицахъ, принявшихъ участіе въ возстаніи, ихъ силѣ и мѣстахъ ихъ пребыванія:

Въ Андреевой: Салтанъ Махмедъ, сынъ Шамхала и его братство . . .	200	всадниковъ.
Князь Куенскій . . .	70	—
— Карагачъ; Нутцалъ, сынъ Шам- хала	200	—

сла, въ которомъ доноситъ онъ, что прибылъ изъ Грузіи въ Астрахань, «*неш и наг и бос и голоден*»; что люди и лошади перемерли въ дорогѣ; онъ также проситъ, чтобы приказано было не удерживать его въ Астрахани. Въ противорѣчіяхъ этихъ съ письмомъ, приведенномъ въ нашемъ текстѣ и полученномъ въ Москвѣ 26 Марта 1599 г., скрывается какая-то тайна, которой постигнуть мы не можемъ. Подарки, присланные Царю, состояли въ двухъ аргамакахъ и другихъ вещахъ, списка которыхъ мы не имѣемъ, и сверхъ того въ одномъ катырѣ или мулѣ для Патріарха Іова.

	Салтанъ Тіуменскій.	100	всадниковъ.
Въ Таркали:	Сурхай, сынъ Шам-		
	хала	50	—
	Алкасъ	30	—
— Кафиръ-Кумуйкѣ:	Андей	150	—
— Шурани:	Уздень Темиръ-Ханъ.	10	—
— Тарки:	Саркай-Шамхалъ	50	—
— Казаничѣ:	Шамхалъ	200	—
— Горячемъ колодцѣ:	за Тарками,		
	Ахматъ-Ханъ, сынъ		
	Шамхала	30	—
	Князь Карабутацскій.	100	—
— Когдени:	племянникъ Шамха-		
	ла	200	—
— кабакѣ	Бойнакскомъ	30	—
— —	Ухли: зять Шамхала.	50	—
— —	Аркуша: Уздень Бу-		
	рунчи.	30	—
— —	Апшима: Уздень Кази.	20	—
— —	Бергели: Междей, сынъ		
	Крымъ-Шамхала	100	—
— —	Югутей: Суркай, пле-		
	мянникъ Крымъ-Шам-		
	хала	100	—
— —	Улушура: Султанъ, пле-		
	мянникъ Шамхала	30	—
— —	Хили: Уздень Алебекъ.	50	—
— —	Кадари: Мирза	50	—
— —	Эрпелиль-Будачъ: Бу-		
	датшъ и его братство.	400	—
— —	Кази-Кумуйкѣ: Князь		
	Алебекъ	500	—

Въ кабакѣ Каракула: Салтанъ Мах-		
метъ	50	всадниковъ.
— — Бортіу: Кайтмазъ. . .	30	—
Между Кумуйкомъ, городомъ Ца-		
куркомъ и Грузіею: Князь Ади-		
корку	200	—
Въ кабакѣ Калакура: Князь Усмей.	500	—
— — Онтемишъ: Хале-Бекъ.	300	—
Между Кумуйкомъ и Дербендомъ:		
Кадиль, Князь Табассаранскій,		
сынъ Зихраръ	500	—
	4.330	всадниковъ.
Сверхъ того пѣхоты	700	—
	5.030	
По тексту же	5.000	

Кромѣ того Кумуйки, Горцы и Черкесы составятъ 15.000 человекъ, не считая пѣхоты.

Перев. съ Франц. **ТЯЖЕЛОВЪ.**

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

О ПРЕБЫВАНІИ ПОЛЯКОВЪ ВЪ РОССІИ (*).

Худо было Полякамъ въ Валахіи въ концѣ Августа мѣсяца, еще хуже въ Московіи, гдѣ они въ минувшемъ году одержали столь блистательныя побѣды. Король Сигизмундъ ничего столько не желалъ, какъ итти въ Московію и туда вести съ собою сына своего для коронованія его Императоромъ или Княземъ (Дис), въ слѣдствіе обѣщанія, даннаго ему Московскими Боярами. Предводитель его войска въ Московіи Ходкевичъ, имѣвшій въ замкѣ Московскомъ гарнизонъ, всячески старался поддерживать благорасположеніе къ Королю тамошнихъ вельможъ. Въ Августѣ сего года онъ увѣдомилъ его, что не-

(*) Эта любопытная статейка, извлеченная изъ *Mercurie françois*, an. 1612, t. III, сообщена въ Редакцію П. М. Снегиревымъ.

возможно удерживать солдатъ безъ платы, и опасается, чтобы своеволие ихъ не сдѣлалось причиною разстройства дѣлъ его въ Московіи. Ему ничего не оставалось, какъ только взять съ солдатъ обѣщаніе не отлучаться до дня Св. Матѳея (21 Сентября). Также получены извѣстія, что армія, находящаяся въ Оршѣ, близъ Смоленска, день-ото-дня уменьшается по этой же самой причинѣ и что солдаты уходятъ съ мятежниками (конфедеретами). Но многія обстоятельства въ Польшѣ не даютъ возможности ни Королю, ни его сыну идти въ Московію и доставить туда жалованье войску.

Потомки покойнаго Императора Бориса Ѳеодоровича, во время преслѣдованія ихъ, случившагося въ 1605 году (когда сей Императоръ и его сынъ кончили жизнь), изгнанные изъ Москвы и сосланные въ заточеніе, не переставали надѣяться снова вступить на престолъ Московскій: и подлинно, царствованіе Димитрія мелькнуло молніей, а четырехлѣтнее правленіе Шуйскаго видѣло однѣ только смуты, за коими Поляки, коренные враги Московитовъ, съ тріумфомъ увели его плѣннымъ въ чуждую землю.

И Поляки уже съ годъ удерживаютъ за собою замокъ Московскій: ихъ наглости и утѣсненія служатъ только къ усиленію ненависти, какую питаютъ къ нимъ Московиты.

Такъ какъ Ѳеодоровичамъ (Federuitiens) представлялся случай, то они составляли всякаго рода заговоры, не только съ родственниками и друзьями, но

даже съ иностранцами. Собравъ многіе полки конницы и пѣхоты, образовавшіе войско, они овладѣли Царемгородомъ (Tsarnidgrod), откуда выгнали Поляковъ.

Этотъ первый подвигъ, ознаменованный общимъ кликомъ: *да здравствуетъ свобода Московитская*, произвелъ общее возстаніе противъ Поляковъ. Трубецкой и Пожарскій съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, главою Ѳеодоровичей, направили армію свою къ Москвѣ. Ходкевичъ, видя такой разгромъ и предусматривая его слѣдствія, выступилъ изъ Москвы, а въ замкѣ ея оставилъ гарнизонъ, состоявшій изъ 1200 человекъ. Собравъ свою армію, онъ хотѣлъ предупредить Ѳеодоровичей, чтобы сразиться съ ними прежде, чѣмъ они успѣли бы умножить силы свои; но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ и встрѣтилъ ихъ готовыми. Возбужденные новымъ приговоромъ думы (Senat) въ Москвѣ, они обнародовали повелѣніе всѣмъ Полякамъ о выходѣ изъ Московіи.

Обѣ арміи стали въ боевой порядокъ. Московиты ударили съ такою силою на авангардъ Поляковъ, состоявшій изъ Казаковъ, что сіи послѣдніе, бывъ опрокинуты, обратились въ бѣгство. Это такъ устрашило Польскую армію, что Ходкевичъ, предвидя совершенную свою гибель, вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Москву, отступилъ съ частию своей арміи къ Смоленску, а въ замкѣ Московскомъ оставилъ гарнизонъ на произволъ побѣдителей, которые вступили въ Москву и въ замокъ, гдѣ весь гарнизонъ былъ изрубленъ.

Всѣ донесенія согласуются между собою въ томъ, что въ войнѣ Московской Король Польскій потерялъ болѣе 48,000 человекъ. При этомъ послѣднемъ изгнаніи пятьсотъ Польскихъ Дворянъ остались плѣнными въ Московіи. Выведенные Денозиѣмъ (Denhosi) оттуда въ Польшу 6000, по большей части Нѣмцевъ, перемерли отъ голода и болѣзней. Изъ Ходкевичевой дружины одни погибли отъ нужды, другіе попали къ мятежникамъ (конфедератамъ), которые въ этомъ году надѣлали столько зла Польшѣ, какъ будто они были ея врагами, разоряя селенія, грабя дома Пановъ и вынуждая города платить имъ деньги для спасенія окрестныхъ деревень и хуторовъ отъ расхищенія или огня. Но Малая Польша, много потерпѣвшая отъ мятежниковъ, въ добавокъ къ тому (въ Южной своей части) подверглась нападенію Татаръ, которые оставили одинъ пепелъ тамъ, гдѣ проходили; но также они не всѣ возвратились въ Тавриду Херсонесскую: ибо Жолкевскій (Sulfosci), Полководецъ Короля Польскаго, въ Подоліи разбилъ ихъ на-голову.

Король Польскій назначилъ Сеймъ въ Варшавѣ для совѣщанія о безпорядкахъ мятежниковъ (конфедератовъ), о средствахъ къ ихъ обузданію и удовлетворенію, также о томъ, продолжить, или прекратить войну съ Московіею.

Но Бояре Московскіе на общемъ совѣщаніи въ Москвѣ, послѣ изгнанія Поляковъ, избрали Михаила Оеодоровича Императоромъ, или Царемъ и Великимъ

Княземъ Русскихъ, какъ ближняго родственника покойному Императору Борису Θεодоровичу (*); послѣ смерти его, у нихъ были непрерывныя смуты. Они также положили осаждать Смоленскъ.

Перев. и. сн.

(*) Θεодору Ιωανновичу.

БОЛОНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

ГЛАВА I.

Объ Университетахъ въ Средніе вѣка вообще.

Съ XII столѣтія Университеты постоянно производили могущественное вліяніе на образованность Европейскихъ народовъ. Это вліяніе осталось въ сущности неизмѣннымъ при всемъ разнообразіи внутренняго устройства Университетовъ. Повсюду, гдѣ истинная жизнь сохранилась въ нихъ, они похожи другъ на друга тѣмъ, что или предполагаютъ въ слушателяхъ мыслительную самостоятельность или стараются развить ее. Задача ихъ — преподавать все, что только мудраго и достопримѣчательнаго заключали и заключаютъ въ себѣ человѣческія знанія. И въ этомъ — то состоитъ увлекательность и достоинство профессорскаго призванія. Буквальное передаваніе того, что мы отъ другихъ заимствовали, вовсе не увлекательно; но если Профессоръ съумѣлъ пересоздать въ себѣ Науку и постигнуть то, что развить призванъ онъ и характеромъ учебнаго заведенія и умственною готовностію слушателей, если съумѣлъ онъ преподавать новыя взгляды, въ такомъ случаѣ вліяніе Профессора на народное просвѣщеніе равносильно вліянію оригинальнаго Писателя. Конечно, заключааясь въ стѣнахъ университетской аудиторіи, оно

ограниченіе; но въ то же время въ немъ болѣе свѣжести и жизни: потому что Профессоръ лично, непосредственно, въ живой рѣчи передаетъ свое ученіе. Въ этомъ главномъ основаніи Университеты Среднихъ вѣковъ уподоблялись современнымъ, рѣзко отличаясь отъ послѣднихъ во многихъ другихъ началахъ. Относительно учебныхъ пособій они были несравненно самостоятельнѣе нынѣшнихъ Университетовъ, которымъ много содѣйствуютъ въ этомъ и ученія Академіи и огромная масса печатныхъ сочиненій. Всего этого не знали Средніе вѣка: отъ того курсъ ученія былъ тогда продолжительнѣе. Многіе Студенты достигали зрѣлыхъ лѣтъ въ Университетѣ, и по своему званію и достоинствамъ пользовались въ обществѣ высокимъ уваженіемъ, которое переливалось и на все ученое сословіе; теперь ничего нѣтъ подобнаго. Сверхъ сего, образованіе новыхъ, почти независимыхъ общинъ вполне согласовалось съ духомъ времени: поэтому и Университеты не замедлили въ свою очередь образовывать изъ себя независимыя общины, и города, въ которыхъ это происходило, взирали безъ зависти на подобныя событія.

Особенно замѣчательное различіе между древними Университетами и новѣйшими состояло въ образѣ возниканія тѣхъ и другихъ. Была бы величайшая ошибка смотрѣть на древнѣйшіе Университеты Среднихъ вѣковъ по понятіямъ нашего времени, т. е. какъ на учебныя заведенія, создаемыя на счетъ Правительствъ или городовъ для учебнаго образованія отечественнаго юношества, въ которомъ впрочемъ, не воспрещается участвовать и иностранцамъ. Не такъ было въ Средніе вѣка. Тогда, если какой ученый мужъ, вдохновенный любовью къ Наукѣ, собиралъ вокругъ себя значительное число любознательныхъ слушателей, подлѣ него являлись другіе учителя, ряды слушателей увеличивались и такимъ образомъ одна духовная потребность полагала основаніе постоянному училищу. Иначе и не могли утвердиться

слава и вліяніе такого рода учебныхъ заведеній, пока еще немного ихъ было во всей Европѣ и пока изустное ученіе указывало почти единственно возможный путь къ возраждавшемуся просвѣщенію. Какое твердое самосознаніе долженствовало тогда пробудиться въ учителяхъ, какое достоинство и ревность въ ученикахъ, которые часто пробѣгали всю Европу, чтобы значительную часть своей жизни провести въ Парижскомъ или Болонскомъ училищѣ! О назначеніи Правительствомъ Профессоровъ и о жалованьѣ ихъ не было тогда и помину; въ послѣдствіи уже, когда истощилась самостоятельная жизнь Университетовъ, стали прибѣгать къ подобной мѣрѣ содержанія и съ этого — то времени всѣ Университеты получили совсѣмъ новое устройство. Но то, что этимъ путемъ возникло, никакъ не могло итти въ сравненіе съ училищами, воспріявшими начало отъ внутренняго стремленія вѣка.

Не смотря на то, сіи древнія училища скрывали въ себѣ также сѣмена искаженія: потому что ихъ слава опиралась отчасти на случайномъ, шаткомъ началѣ, — на личномъ достоинствѣ учителя. Если одни геніальные Учители успѣвали подвинуть свое училище, то часто неловкая рука ближайшихъ преемниковъ низвергала его въ ничтожество: ибо тогдашнія училища стояли совершенно одиноко, опираясь на самихъ себя, безъ связи съ развивавшеюся народною образованностію и не имѣя тѣхъ прочныхъ основаній, безъ которыхъ существованіе учебныхъ заведеній невозможно. Но умственное движеніе, какое получила чрезъ нихъ Европа, было продолжительнѣе собственнаго ихъ процвѣтанія. Преимущественно Правовѣды никогда не должны забывать, что ученое Законовѣдѣніе новѣйшихъ временъ развилось по началамъ Болонскаго Училища.

Три высшія училища въ одно время пользовались большимъ уваженіемъ: Парижское для Богословія и

Философiи, Болонское для Римскаго Права и Салернское для Медицины. Но Салернское Училище, котораго основаніе, вѣроятно, также принадлежитъ къ глубокой древности, не входитъ въ кругъ настоящаго изслѣдованія, не только потому, что нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о его первоначальномъ бытѣ (1), но и потому, что оно не имѣло вліянія на образованіе другихъ училищъ: ибо на счетъ возникшихъ въ послѣдствіи медицинскихъ училищъ извѣстно, что они устроивались обыкновенно по образцу богословскихъ или юридическихъ, въ сосѣдствѣ коихъ возникали.

Два прочія, Парижское и Болонское, не только суть рѣшительно древнѣйшія училища, пріобрѣтшія всеобщую извѣстность въ Европѣ, но въ то же время они служили образцомъ для многихъ учебныхъ заведеній, возникшихъ въ послѣдствіи. Во внутреннемъ устройствѣ Парижскаго и Болонскаго Училищъ обнаруживается съ самаго древняго времени замѣчательная противоположность. Въ Парижскомъ корпорація состоитъ изъ однихъ учителей (*doctores*), въ рукахъ которыхъ находится вся власть; объ ученикахъ (*scholarii*) въ ней и помину нѣтъ, такъ какъ это были только подвластные члены маленькаго Государства. Въ Болоніи ученики (*Scholarii*) составляли корпорацію: они изъ своей среды избирали начальниковъ, и учителя (*doctores*) были имъ подчинены (2). Возникшіе въ послѣд-

(1) Немногія, какія только есть объ этой школѣ свѣдѣнія, вполнѣ заключаются въ *Ackermann Regimen sanitatis Salerni Stendelae. 1790, in 8. — Origlia Studio di Napoli. Vol. I. p. 35*, не больше другихъ сообщаетъ свѣдѣній, хотя я тщательно рылся въ архивахъ.

(2) Ежели это устройство Болонскаго Университета справедливо находимъ несообразнымъ относительно къ современнымъ Университетамъ, то не должно упускать изъ вида сдѣланнаго выше замѣчанія, что тогдашніе Студенты совершенно отличались отъ нашихъ.

ствіи многочисленныя Университеты, при своемъ устройствѣ, принимали въ основаніе ту или другую форму, такъ что Болонія служила образцемъ для Италіи, Испаніи и Франціи (*), а Парижъ — для Англіи и Германіи. Чтобы объяснить эту замѣчательную противоположность, должно, по видимому, обратить вниманіе на два главныя начала: во-первыхъ, на республиканскій духъ Болоніи, который легко сообщался и ученикамъ, и во-вторыхъ на различное свойство знаній, положившихъ основаніе тому и другому училищу: ибо какъ Болонское Училище было первоначально юридическимъ, такъ Парижское — богословскимъ. Это богословское ученіе, для котораго возникло Парижское Училище, натурально требовало строгой зависимости отъ учащихся, тѣмъ болѣе, что и въ прежнее время въ монастыряхъ и капитулахъ съ ученіемъ этого рода соединялась строгая подчиненность учащихся. Впрочемъ, одною страстью къ подражанію можно объяснить то, что разъ образовавшіяся формы усвоены были такими училищами и даже такими знаніями, коимъ чужды были означенныя первоначальныя условія. Древность и громкая слава Болонскаго и Парижскаго Университетовъ разрѣшаютъ задачу, почему эти два учебныя заведенія служили образцемъ для позднѣйшихъ Университетовъ, и почему, кромѣ усвоенныхъ послѣдними формъ, не образовались еще многія другія, совершенно произвольныя. Однакожь было бы очень несправедливо, по такому подражанію первобытнымъ формамъ, заключать,

(*) Весьма замѣчательно, что почти всѣ прочіе Французскіе Университеты устроивались болѣе по образцу Болонскаго, нежели Парижскаго Университета, и были преимущественно Юридическими Школами и даже назывались *Universités des lois*. Pasquier *geschersches* XV, 37 (въ концѣ главы). Подобнымъ образомъ многіе Южно-Нѣмецкіе Студенты назывались на обыкновенномъ языкѣ Юристами, хотя принадлежали и къ другимъ Факультетамъ. Срав *Lampadius Almanach von Heidelberg*. 1813, стр. 37.

что онѣ были вездѣ и совершенно однообразны: напротивъ того въ каждомъ народѣ онѣ принимали особенный характеръ. Такъ въ Германіи, преимущественно послѣ Реформаціи, Университеты получили болѣе свободное направленіе.

Слово *Universitas* въ понятіи Среднихъ вѣковъ означало собственно не училище, а корпорацію, общину, образовавшуюся съ открытіемъ училища; именно то, что Римляне понимали подъ словомъ *universitas* (*). Члены корпораціи, ея правители и представители не были одни и тѣ же въ каждомъ училищѣ: такъ въ Болоніи обыкновенно корпорація именовалась *Universitas Scholarium*, въ Парижѣ *Universitas Magistrorum*. Новѣйшее понятіе слова *Universitas*, Университетъ, выражающаго совокупность человѣческихъ знаній, не можетъ быть примѣнено къ Среднимъ вѣкамъ, когда многія училища заключали въ себѣ *Universitatem Juristarum* и особо *Universitatem Artistarum*.

Собственно училище называлось *Schola*, а съ XIII столѣтія обыкновенно *Studium*; сверхъ того высшее училище имѣло особое почетное названіе *Studium generale*. Впрочемъ, ни *Schola*, ни *Studium generale* не соотвѣтствуютъ значенію нашихъ Университетовъ: потому что совокупность знаній не составляла главнаго условія существованія самыхъ знаменитыхъ училищъ, ибо они, и не заключая въ себѣ болѣе одного Факультета, могли составлять *Studium generale*. Собственно этимъ почетнымъ именемъ пользовались училища, пріобрѣтшія Европейскую славу, куда преимущественно стекались не только туземные, но и иностранные слушатели, и гдѣ раздаваемые докторскія степени уважались повсюду. Первоначальное открытіе высшихъ училищъ имѣетъ

(*) Справ. *Digesta*. tit. quod cujusque universitatis nomine vel contra eam agatur (III, 4).

тѣсную связь съ объясненнымъ выше значеніемъ ихъ названія. Гдѣ только являлось достаточное число учителей, умѣвшихъ обратить на себя всеобщее вниманіе, тамъ дѣйствительно образовалось и училище. На это не нужно было явнаго соизволенія ни со стороны мѣстнаго начальства, ни со стороны Папы или Императора. Въ содѣйствіи мѣстнаго начальства не было надобности потому, что первобытныя училища не требовали отъ казны никакихъ денежныхъ пособій ни на свое содержаніе, ни на жалованье учителей. Напротивъ они приносили честь и пользу городамъ, которые по этому не имѣли надобности давать имъ особое позволеніе на открытіе.

Относительно присвоиваемаго Папамъ права учреждать высшія училища, должно различить три обстоятельства: открытіе училища, назначеніе Канцлеровъ и учрежденіе Богословскихъ Факультетовъ. На открытіе училищъ Папы вообще не имѣли никакого права. Парижъ, Болонія и Падуа не получали на то никогда учредительныхъ буллъ; въ выданныхъ же училищамъ Монпельерскому и Орлеанскому ясно сказано, что они давно уже процвѣтали. Множество учредительныхъ буллъ, появившихся въ позднѣйшее время, объясняется слѣдующимъ образомъ: когда подлѣ многихъ издревле знаменитыхъ училищъ открывалось новое, то натурально рождалось сомнѣніе, можетъ ли оно имѣть притязаніе на достоинство высшаго училища (*Studium generale*). Конечно, Профессорамъ новаго училища было весьма желательно получить для него наименованіе *Studium generale* прямо отъ Папы: ибо такое наименованіе уважалось во всѣхъ земляхъ, принадлежащихъ къ Римской Церкви. Папа съ своей стороны охотно удовлетворялъ подобному желанію, видя въ томъ новое средство утвердить свое вліяніе въ отдаленныхъ странахъ.

Назначеніе Канцлера принадлежитъ къ той же категоріи, что и учрежденіе училища. Оба Парижскіе

Канцлера никогда не получали Папскаго назначенія, и не имѣли въ томъ надобности: потому что Парижскій Университетъ первоначально образовался изъ монастырскихъ школъ, а въ нихъ *licentia docendi* (разрѣшеніе учить), на основаніи общихъ церковныхъ постановленій, принадлежала Духовному начальству. Въ Болоніи самъ Папа назначалъ Канцлеровъ; но отнюдь не въ той мысли, что такое назначеніе (*promotio*) отъ него одного получало свою законность: онъ только считалъ эту мѣру необходимостію для предотвращенія злоупотребленій. Въ Падуѣ Профессоры назначали Канцлера: Папа ограничивался только своимъ на то соизволеніемъ; что же касается Богословскаго Факультета, то въ самомъ дѣлѣ Папы имѣли на него сильное вліяніе. Такъ наприм. въ Болоніи и Падуѣ эти Факультеты были открыты самимъ Папою, къ чему служило поводомъ самое свойство предмета: ибо при всеобщей свободѣ ученія, какую присвоивали себѣ древнѣйшіе Университеты, всякое Богословское ученіе, не одобренное Папою, не было терпимо. Впрочемъ, Парижское Богословское Училище процвѣтало безъ Папскаго утвержденія, Монпельерское же получило его не скоро послѣ своего открытія.

Такое же положеніе училищъ было и въ отношеніи къ Императору. Когда онъ учреждалъ какое Училище съ титуломъ *Studium generale*, то права его были признаваемы повсюду; но Императорское утвержденіе, подобно Папскому, не считалось необходимостію.

ГЛАВА II.

Исторія Болонскаго Училища.

Выше мы объяснили, что слово Университетъ въ томъ значеніи, какое оно имѣло въ Средніе вѣка, выражало не учебное заведеніе, но сословіе или, лучше, общину учащихся и учащихъ; собственно же учебное заве-

деніе называлось вообще: *schola, studium, studium generale*. Что же касается Болонскаго Училища, его въ письменныхъ памятникахъ именуютъ еще *Gymnasium, Archigymnasium Bononiense*. Поэтому, во избѣжаніе сбивчивости въ словахъ и понятіяхъ, мы рѣшились разсматриваемое нами древнее Болонское учебное заведеніе называть не Университетомъ, но просто Училищемъ, оставивъ названіе Университета общинѣ сшоларіевъ. Славное Болонское Училище до сихъ поръ не имѣетъ достойнаго Историка. Неудачная компиляція *Формиліари*, по совершенному въ ней отсутствію здоровой критики, не заслуживаетъ имени Исторіи (1). Много разсѣяно полезныхъ матеріаловъ въ Исторіи Болоніи Гирардачи, въ лѣтописяхъ Савіоли, въ біографіяхъ Болонскихъ Профессоровъ Сартти (2) и преимущественно въ Исторіи Италіанской Литературы Тирабоски (3). Богатѣйшія свѣдѣнія объ устройствѣ Болонскаго Училища заключаются въ древнихъ Статутахъ Юридическаго Университета, подъ заглавіемъ: *Statuta et privilegia almae Universitatis Juristarum Gymnasii Bononiensis* (4). Изданіе 1561 года состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: въ первомъ заключается сводъ первобытныхъ Статутовъ, во второмъ преобразованный сводъ Статутовъ, въ третьемъ собраніе новѣйшихъ отдѣльныхъ узаконеній и въ четвертомъ извлеченіе изъ городскихъ Статутовъ узаконеній, относящихся къ Университету. Но и помянутый сводъ первобытныхъ

(1) Въ Библіотекѣ Болонскаго Института хранится рукопись Исторіи Болонскаго Университета Александра Формиліари (*Formigliari*) (ум. 1769). Папа Венедиктъ XIV запретилъ ее печатать, какъ безтолковую компиляцію.

(2) Sarti, de claris archygymnasii Bononiensis professoribus a saeculo XI usque ad saeculum XIV. Bononiae MDCCLXIX.

(3) Q. Girolamo. Tiraboschi Storia della letteratura Italiana. Modena, 1787—1794.

(4) Ap. Alex. Benacium. 1561, in-fol. Orlandi Scrittori Bolognesi, p. 333.

Статутовъ еще очень новъ: онъ составленъ въ 1432 году; ему служилъ основаніемъ другой сводъ, болѣе древній, котораго составленіе должно отнести къ первой половинѣ XIV столѣтія. Статуты, вошедшіе въ составъ этого послѣдняго свода, безспорно принадлежатъ къ глубокой древности; а тѣ изъ нихъ, въ которыхъ начертаны основныя правила Университета, очевидно должны быть современны его первоначальному возникновенію. По крайней мѣрѣ у Сартти напечатано утвержденіе Статутовъ Папою Иннокентіемъ IV въ 1253 году; Папа же Гонорій III упоминаетъ объ нихъ еще въ 1224 году. Университетъ Артистовъ (т. е. не Юристовъ) имѣлъ также свои Статуты, которые хотя и во многомъ сходствовали съ Юридическими, но по самому уже языку видно, что они несравненно новѣе: сюда принадлежали и Богословы, но Философы и Медики были древнѣйшіе члены корпораціи (*).

Преданіе, относящееся къ глубокой древности, присвоиваетъ основаніе Болонскаго Училища Θεодосію II въ 433 году, при содѣйствіи Св. Амвросія. Оно основывается на двухъ грамотахъ, приписываемыхъ этому Императору, хранящихся въ Болонскомъ городскомъ Архивѣ. Но трудно вообразить болѣе нелѣпую выдумку, какъ это доказываютъ языкъ и содержаніе обѣихъ грамотъ. Въ одной изъ нихъ (*Muratorî antiq. vol. 3*) земля, гдѣ учреждается Училище, названа *Lombardia*; другая (*Yghelli Italia sacra, 2 p. q. Ven. 1717*) говоритъ о присутствіи, при открытіи Училища, Пословъ Людовика, Короля Французскаго, и Филиппа, Короля Англійскаго. Находящіяся въ концѣ обѣихъ грамотъ подписи цѣликомъ взяты изъ одного *placitum* Карла Великаго. Да и по какому праву Θεодосій II, бывшій только Восточнымъ Импе-

(*) *Philosophiae ac medicinae scholarium Bononiensis gymnasii Statuta..... instaurata. 1612.— Orlandi Scrittori Bolognesi.*

раторомъ, могъ учредить учебное заведеніе въ Италіи? При томъ же извѣстный Юстиніановъ указъ (Const. Omnem. § 7) явно противорѣчитъ современному существованію Юридическаго Училища въ Болоніи.

Не смотря на то, Болонцы постоянно признавали подлинность этого преданія и основывали на немъ свои граничныя притязанія на сосѣдніе города. Можно съ нѣкоторою точностью опредѣлить время и обнаружить поводъ выдумки. *Азѡ* право Болоніи на Юридическое Училище основываетъ на томъ, что этотъ городъ, какъ и Константинополь, основанъ Θεодосіемъ (1). Совершенно сходны показанія Одофреда. Онъ видимо относитъ это дѣло къ Θεодосію I, приводя старинную легенду, по словамъ которой Θεодосій возстановилъ Болонію, покоряясь волѣ Св. Амвросія (2). Слѣдовательно помянутые глоссаторы до половины XIII столѣтія ничего не знаютъ ни о грамотахъ, ни о времени учрежденія Училища. Даже Бартоль ничего еще не знаетъ о грамотахъ; но онъ производитъ начало Болонскаго Училища частію отъ древняго обыкновенія (*consuetudo*), частію отъ мнимаго учрежденія его Императоромъ Лотаріемъ, чего *однакожь не выдаетъ за истину* (3).

(1) Azo. Lectio in codicem ad const. de novo codice faciendo. verb. juris in hac alma urbe doctorum: «et idem (privilegium) Bononiae datum fuit, quam dicunt condidisse Imperatorem Theodosium».

(2) Glossa ad const. Omnem. § 7 verb. regiis urbibus: «idem et in Bononia, quia et eam fecit Imperator Theodosius, jussu B. Ambrosii, cum per prodicionem eam destruxerat, ut dicitur in legenda B. Ambrosii».

(3) Bartolus in Dig. vetus. const. Omnem. verba: haec autem tria: «dico ergo, quod habere studium et licentiam docendi procedit ex privilegio tantum vel ex consuetudine longinqua, sicuti Paduae, ubi est studium generale: et sic eadem privilegia sunt ibi, quae sunt Bononiae, ubi est studium ex consuetudine et privilegio Lotharii, ut dicunt quidam».

Только въ началѣ второй половины XIII столѣтія появляется первый слѣдъ сказанныхъ грамотъ (1): очевидно онѣ были составлены по словамъ помянутыхъ глоссаторовъ, съ искаженіемъ ихъ подлиннаго смысла. Что же касается мнимаго участія Св. Амвросія въ основаніи города и Училища, то, безъ сомнѣнія, къ этому мнѣнію подало поводъ укорительное посланіе его къ Императору Θεодосію I, сохраненное въ томъ же собраніи документовъ Болонскаго Архива и помѣщенное тотчасъ послѣ подложныхъ грамотъ. Удивительно невѣжество сочинителя послѣднихъ: онъ, назначая 433 годъ временемъ учрежденія Училища, относитъ это событіе къ Θεодосію Младшему, когда уже Св. Амвросія давно не было въ живыхъ.

Невозможно съ точностію опредѣлить времени, когда возникло Болонское Училище. Мы сказали уже, что слава того или другаго Учителя и любознательность учениковъ служили краеугольнымъ камнемъ для Училищъ, возникшихъ въ Средніе вѣка. И потому въ нихъ долгое время не было ни *корпорации*, ни *опредѣленныхъ административныхъ правилъ*. Грамота Императора Фридриха I, данная на Ронкалійскомъ Сеймѣ въ Ноябрь 1158 г. (2), была первымъ офиціальнымъ актомъ, положившимъ основныя начала, по которымъ, развиваясь постепенно, образовался полный составъ управленія Болонскаго Училища. Главное то, что эта грамота присвоила Профессорамъ судебную власть надъ учениками и чрезъ то самое даровала Училищу существованіе, независимое отъ городскихъ властей: въ послѣдствіи ученики, по мѣрѣ того, какъ число ихъ увеличивалось, образовали изъ себя общины, получившія названіе Университетовъ, которыхъ права и преимущества, по видимому, не замедлили развиться и были офиціаль-

(1) Именно въ 1237. Savioli annal. III, p. 314.

(2) Auth. *Habita* C: ne filius pro patre (4, 13).

но признаны. Фридерикова грамота, правда, не говоритъ опредѣлительно о Болоніи; но что она имѣетъ въ виду только этотъ городъ, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія — и вотъ почему: 1) Присвоивая важныя преимущества лицамъ, путешествующимъ съ ученою цѣлю, она съ особенною похвалою отзывается о Юридическихъ Профессорахъ. 2) Славнѣйшіе современные Болонскіе Профессоры Права оказали Императору величайшую услугу, сильно отстаивая на Ронкалійскомъ Сеймѣ извѣстный Римскій законъ «*voluntas principis legis habet vigorem*». 3) Фридерикъ издалъ эту грамоту не какъ Императоръ, но какъ Ломбардскій Король: слѣдовательно хотя она и для всѣхъ будущихъ Юридическихъ Училищъ въ Италіи принесла очевидную пользу, но въ то время, кромѣ Болоніи, не лзя ее было примѣнить ни къ одному Ломбардскому городу, потому что только въ Болоніи и существовало тогда Юридическое Училище. Во всякомъ случаѣ, эта грамота относилась только къ Лонгобардскому Королевству. Конечно, и Парижъ тогда уже своею извѣстностію привлекалъ къ себѣ многихъ любознательныхъ иностранцевъ; но тамъ не было Юридическаго Училища, и Фридерикъ не могъ дать грамоты Парижу ни въ званіи Ломбардскаго Короля, ни въ званіи Императора. Германія же тогда еще не имѣла ни одного Училища, котораго извѣстность проникала бы въ чужія земли.

Грамота имѣетъ въ виду два предмета: во-первыхъ, иностранные схоларіи, — которые изъ чистой любви къ знаніямъ, презирая всѣ опасности тогдашняго путешествія, всѣ неудобства жизни въ дали отъ родины, стремились въ городъ, славный ученою дѣятельностію, изъ всѣхъ концовъ Европы, — пріемяются въ ней подъ особенное Королевское покровительство. Они безпрепятственно могутъ путешествовать всюду; за оскорбленіе ихъ грамота угрожаетъ строжайшимъ взысканіемъ, и главное — никто изъ нихъ не подлежитъ отвѣтственно-

сти за проступки и долги своихъ единоземцевъ. Во вторыхъ: схоляріевъ, въ случаѣ жалобы на нихъ, не позволено судить въ городскомъ судѣ: вѣдаться съ ними можно было только въ присутствіи ихъ Учителя или городского Епископа. Вотъ слова грамоты: «*Hujus rei optione data scholaribus, eos coram domino vel magistro suo, vel ipsius civitatis episcopo, quibus hanc jurisdictionem dedimus, conveniat*». Отвѣтчикъ имѣлъ право выбора, хотѣлъ ли онъ быть судимъ своимъ Учителемъ (1) или Епископомъ. *Dominus*— это почетный титулъ, присвоенный грамотою Профессорамъ новой Юридической Школы, отличавшій ихъ въ послѣдствіи отъ Профессоровъ Свободныхъ Искусствъ. Чтобы яснѣе опредѣлить вновь изобрѣтенное для почета названіе, прибавлено слово знакомое, издревлѣ означавшее Учителя: *vel magistro suo*.

Основаніе Фридериковой грамоты очевидно заимствовано изъ Юстиніанова положенія о Юридической Школѣ въ Беритѣ, коимъ вмѣнялось въ обязанность Презесу провинціи, Епископу и Профессорамъ Права имѣть надзоръ за переписчиками и наблюдать за нравственностію учениковъ (2). Фридерикова грамота имѣла это въ виду и только ограниченный надзоръ замѣняла судебною властію; умолчала о Презесѣ потому, что подобнаго сановника въ Болоніи не было. Что же касается городского Начальства, то всѣ права и преимущества, дарованныя ею схоляріямъ, предпочтительно имѣютъ въ виду то,

(1) Поэтому видно, что ученикъ, въ отношеніи подсудимости, имѣлъ только одного Учителя. Справ. Baldus ad codic. auth. *Habita*, num. 75: «*Quaero, quid de scholari, qui intrat diversas scholas, si convenitur coram uno doctore, an possit eligere alium doctorem? respondeo: si unus est principalior altero, illum debet habere judicem*».

(2) Const. Omnem § 8—10: «*In Berytiensium autem civitate tam vir clarissimus praeses Pheniciae maritimae, quam beatissimus ejusdem civitatis episcopus et legum professores*».

чтобы защитить послѣднихъ отъ притязаній городскихъ властей. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, если бы схоляріи не пожелали воспользоваться своею привилегіею, имъ не возбранено вѣдаться и въ присутствіи городского судьи. Ничего также не говоритъ грамота и о Ректорахъ: потому ли, что еще тогда не было ни Университета, ни Ректора, или что, по крайней мѣрѣ, Ректоры тогда еще не пользовались столь важнымъ преимуществомъ, какова судебная власть.

Подъ конецъ XII столѣтія, во времена Ацо, въ Болонскомъ Училищѣ считалось болѣе десяти тысячъ Студентовъ. Многіе изъ нихъ предавались ужаснымъ безпорядкамъ: особенно Ломбардцы съ Тосканцами вели непрерывныя, кровавыя ссоры, оканчивавшіяся убійствами. Ни Профессоры, ни Епископъ не имѣли достаточной силы, чтобы судить и наказывать столь важныя преступленія: поэтому они были вынуждены отказаться отъ своей привилегированной власти относительно уголовныхъ дѣлъ и передали ее городовому Начальству, удержавъ за собою одни гражданскія (*). Въ половинѣ

(*) Accursius ad Coll. 3. tit. 4 (Nov. 17), C. 5, init. v. *uti innocentes*: «et sic non utentur scholares privilegiis in delictis, licet Fredericus Imperator generaliter eis concessit. Magistri tamen et scholaris illis privilegiis, quantum ad delicta, renuntiaverunt, cum per magistrum vel episcopum non poterant plane puniri delicta, quod publice interest». Odofredus ad eod. Auth. *Habita*: «Orsegnori, videtur quod haec constitutio quantum ad verba loquatur in civili et in criminali, nam vidi hoc in civitate ista tempore. — Domini Azonis, quod scholares poterant declinare forum in causa criminali et erant hic tunc temporis bene X millia scholarium. Sed scholares renuntiaverunt huic privilegio tempore Domini Azonis, et fuit renuntiatum tali ratione quia inter Lombardos et Tuscos fuit maxima discordia et maximum bellum, ita quod domini doctores non poterant se intromittere in puniendo eas: unde, dixerunt, quod potestas hujus civitatis intromitteret se in criminali causa, sed in civili bene habent adhuc suum hodie privilegium».

XIII столѣтія Профессоры опять завладѣли—было уголовными дѣлами; но такъ какъ они не могли уже возстановить охладѣвшей къ нимъ въ этомъ отношеніи довѣренности (1), то съ этого времени только въ комментаріяхъ къ *auth. Habita* и упоминается объ уголовной судебности, какъ служащей Профессорамъ *de jure*; но *de facto* они рѣдко ея пользовались. Къ сему могло содѣйствовать частію то, что по мѣрѣ того, какъ число Профессоровъ увеличивалось, слабѣло ихъ личное значеніе, частію же и то, что власть Университета и Ректора въ то время утвердилась уже на прочныхъ основаніяхъ.

О Ректорахъ въ первый разъ упоминаетъ *Joannes Bassianus* въ концѣ XII столѣтія. Онъ и ученикъ его Ацо оспаривали у схоляріевъ право избирать Ректора. Но Одофредъ, жившій въ первой половинѣ XIII столѣтія, одобряя это мнѣніе и подкрѣпляя примѣромъ Парижскаго Университета, гдѣ право избирать Ректора принадлежало Профессорамъ, рѣшительно утверждаетъ, что въ Болоніи совершенно другой порядокъ вещей (2). Это сказаніе Одофреда подкрѣпляется историческими фактами. Въ 1214 году Болонцы хотѣли поставить Ректорство Университета въ зависимости отъ города: это подало поводъ

(1) *Odofredus ibid.*: «*Sed hodie reviatum est ad pristinum statum: tamen deus velit, quod non faciant sibi male ad invicem; nam per dominos doctores male puniuntur illa maleficia*».

(2) *Azo, Lectura in Cod. adt. fin. c. de jurisdictione 13—15*, *Non dicit de discipulis eorum: unde videtur, quod scholares qui non exercent professionem aliquam, sed sub exercentibus fiunt discipuli, non possunt eligere consules..... magistri ergo possunt consules eligere, quia ipsi exercent professionem. Sic et faciunt fabri in terra ista et alia corpora, quia eligunt ministeriales suos etc.* — *Odofredus l. cit.* — «*Inde ipsi doctores, qui exercent professionem, debent eligere rectores et ita scripsit hic Ioannes et Azo.— Et ita dicitur, quod est Parisiis, quod doctores eligunt rectores et non scholares: tamen per legem municipalem hujus civitatis scholares creant rectores*».

къ безпокойствамъ, угрожавшимъ гибелью Университету. Папа рѣшительно принялъ сторону схоляріевъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ спокойствіе возстановилось безъ притѣсненія Ректорства (1). Въ 1224 году, Папа Гонорій III письменно укорялъ Болонцевъ и Профессоровъ: первыхъ въ томъ, что они притѣсняютъ Ректоровъ и изгоняютъ избранныхъ схоляріями; другихъ въ томъ, что, подавая Болонцамъ такой вредный совѣтъ, забываютъ, что и сами они обязаны повиновеніемъ Ректору (2). Изъ этого видно, что не только схоляріи, но и Профессоры, по основнымъ правиламъ Университета, были подчинены Ректору.

Такимъ образомъ надъ схоляріями были поставлены четыре власти: городское начальство, Ректоръ, Профессоры и Епископъ. Законовѣды власть городского начальства и Ректора производили изъ началъ Общественнаго Права и сверхъ того ректорскую власть основывали еще на одной статьѣ кодекса, по которой каждый, принадлежащій къ какому-либо сословію (*professio*), ни подъ какимъ предлогомъ не могъ уклоняться отъ власти начальника, поставленнаго надъ этимъ сословіемъ (3). Профессоры и Епископы основывали свои права на Императорской привилегіи.

Слѣдовательно только городское начальство надлежитъ считать безусловною властію (4) (*judex ordinarius*),

(1) Сартти и Савіоли въ разныхъ мѣстахъ.

(2) Savioli III, 2, p. 36, слова Гонорія III: «Unde non sine causa miramur, quod sicut universitas scholarium transmissa nobis conquestione monstravit, vos libertatem eorum infringere molientes, dura contra eam statuta noviter edididistis nec ipsos rectores et consiliarios sustinentes habere illos, quos ad hoc praefecerant, tanquam bannitos civitatem vestram compulsistis exire, suggerentibus id legum doctoribus, qui (non communia commoda sed privata querentes) stare, ut tenebantur, sententiae rectorum scholarium contempserunt».

(3) L. fin. C. de jurisdictione (3—13).

(4) Accursius Coll. 9 lit. 15, C. 21, § 2, Gl. civilem judicem. — «Nota quod potestas et judex ordinarius scholarium».

проистекающею изъ общихъ государственныхъ законовъ. Ректорство получило свое начало изъ особыхъ отношеній корпораціи, Профессоры и Епископъ были привилегированныя власти. Отношенія этихъ властей между собою будутъ опредѣлены ниже.

Болонское Училище неоднократно находилось въ опасности рушиться, къ чему доводили его часто возобновлявшіеся споры съ городомъ. Схоларіи нерѣдко оставляли Болонію и обязывались клятвою никогда болѣе не возвращаться туда, такъ что при послѣдовавшемъ примиреніи надобно было всякій разъ исходатайствовать у Папы разрѣшеніе отъ клятвы. Подобные споры оканчивались обыкновенно подтвержденіемъ и даже распространеніемъ преимуществъ Университета. (1). Иногда споръ между Папою и Болонцами, сопровождаемый отлученіемъ отъ Церкви послѣднихъ, заставлялъ схоларіевъ удалиться изъ города. Въ такомъ случаѣ сами Болонцы старались уладить дѣло и ускорить возстановленіе Университета немедленнымъ принесеніемъ покаянія (2). Фридерикъ II, во время спора съ Болоніею въ 1226 году, повелѣлъ—было упразднить Юридическое Училище, но въ слѣдующемъ году онъ формально отмѣнилъ свое рѣшеніе (3).

Сначала въ Болоніи было одно только Училище Правовѣдѣнія, и слѣдовательно при немъ могъ образоваться первоначально только одинъ Университетъ. Въ послѣдствіи однакожь возникло тамъ нѣсколько Университетовъ. Самые же древніе историческіе памятники упоминаютъ о двухъ главныхъ, отличавшихся между собою по родинамъ схоларіевъ, подъ названіемъ Универ-

(1) Подобные случаи были въ 1204, 1214, 1224—1282, 1316 г. Сарті, Гирардачі.

(2) Это случилось въ 1232, 1306, 1338 г. Муратори, Савіоли, Гирардачі, Сарті.

(3) Сарті, Савіоли.

ситета Предальпійцевъ и Университета Заальпійцевъ (Citramontani et Ultramontani). Въ послѣдствіи, когда появились замѣчательные Профессоры Медицины и Свободныхъ Художествъ, то и ихъ схоларіи старались образовать Университетъ и подчинить его особому Ректору. Въ 1295 году Юристы еще воспротивились такому пововеденію и городъ запретилъ его, заставивъ Медиковъ и Артистовъ присоединиться къ Университету Юристовъ (1). Но чрезъ нѣсколько лѣтъ они уже имѣли своего собственнаго Ректора, а въ 1316 году, во время одного примиренія Юристовъ съ городомъ, право это было формально присвоено Медикамъ и Артистамъ (2). Они называли себя обыкновенно *Philosophi et Medici*, иногда *Physici*, а также общимъ именемъ *Artistae*. Во второй половинѣ XIV столѣтія прибавилось новое, Богословское Училище, основанное Папою Иннокентіемъ VI (3). Оно было подчинено Епископу и устроено по образцу Парижскаго; слѣдовательно—это было *Universitas magistrorum, non scholarium*. По духу такого устройства, Богословскіе схоларіи не пользовались правомъ гражданства въ Богословскомъ Университетѣ и потому они лично причислялись къ Университету Артистовъ (4). Съ этого времени въ Болоніи считалось четыре Университета: два Юридическіе, Медицинско-Философскій и Богословскій; но Юридическіе Университеты, отдѣльно отъ двухъ прочихъ, составляли одно цѣлое, и потому весьма часто при-

(1) Ghirardacci, T. I, p. 329.

(2) Ghirardacci, *ibid.* p. 151, 454, 589. Кажется однакожь, что Ректоры Юристовъ постоянно пользовались первенствомъ, которое официально имъ было присвоено въ 1507 году преобразователями Болонскаго Училища. Barseti, *hist. Ferrar. gymnas.*

(3) *Bullarium magnum*. T. I (ed. Laxemb. 1742). Orlandi *scrittori Bolognesi*, p. 319, полагаетъ 1362 годъ временемъ основанія Училища.

(4) *Philosophiae ac Med. schol. Bon. gymn. Statuta*, p. 2.

нимались за одинъ Университетъ. Правила управленія всѣхъ этихъ Университетовъ подробно описаны въ Статутахъ каждого изъ нихъ. Измѣненія или дополненія могли быть производимы въ Статутахъ только чрезъ каждые двадцать лѣтъ, и для этой цѣли избирались между схоляріями восемь Законодательныхъ Членовъ (Statuarii)(1). Уже въ 1253 г. Статуты получали Папское утвержденіе; въ 1544 году оно было возобновлено (2), и такъ какъ въ то же время Папа былъ владѣтелемъ края, то чрезъ это утвержденіе Статуты, имѣвшіе прежде обязательную силу только въ отношеніи къ членамъ Университета, получили тогда значеніе общихъ государственныхъ законовъ.

ГЛАВА III.

Составъ Университета.

Болонское Училище, въ эпоху полнаго развитія, заслуживаетъ внимательное разсмотрѣніе съ двухъ сторонъ: какъ Университетъ въ значеніи Среднихъ вѣковъ, (т. е. община, корпорація схоляріевъ) и какъ учебное заведеніе. Въ первомъ случаѣ любопытно знать: изъ какихъ членовъ состоялъ Университетъ, кто управлялъ имъ и какія были его отношенія къ городу. Какъ учебное заведеніе, Болонское Училище требуетъ обратить особенное вниманіе на его представителей, т. е. Докторовъ или Профессоровъ, равно какъ и на ихъ учебную дѣятельность. Первая задача будетъ предметомъ изслѣдованія настоящей, вторая слѣдующей главы (3).

(1) Stat. Bon. lib. I, p. 19—20. Въ послѣдствіи 20 лѣтъ требовалось только для полнаго преобразованія; отдѣльныя измѣненія могли быть производимы всякія пять лѣтъ.

(2) Stat. Bon. addit. p. 97.

(3) Не имѣя подъ рукою достаточныхъ матеріаловъ относительно Университета Артистовъ, по необходимости мы ограничимся

Члены Университета были различнаго рода: одни пользовались вполне всѣми преимуществами университетскаго гражданства; права другихъ были ограничены; иные наконецъ составляли родъ университетскихъ кліентовъ.

Полнымъ правомъ университетскаго гражданства пользовались одни только иностранные схоларіи (*advenae, forenses*) (1), цивилисты и канонисты (2). Званіе схоларія приобрѣталось внесеніемъ имени въ пріемную книгу или матрикуль (*matricula*), за что взимаема была отъ схоларіевъ плата по 12 сольдовъ (3). Схоларіи ежегодно приводимы были къ присягѣ на подчиненность Ректору и Статутамъ (4). Собраніе ихъ, сзываемое Ректоромъ, составляло собственно Университетъ, гдѣ голоса подавались бѣлыми и черными шарами; каждый членъ обязанъ былъ, по крайней мѣрѣ три раза въ годъ, явиться лично въ собраніе, подъ опасеніемъ утраты права университетскаго гражданства (5).

Схоларіи, уроженцы Болонскіе, не имѣли права ни подавать голоса въ университетскомъ собраніи, ни быть университетскими сановниками: какъ потому, чтобъ охранить университетскую общину отъ ихъ вліянія, которое могло сдѣлаться вреднымъ для иностранныхъ схоларіевъ, такъ еще болѣе въ слѣдствіе необходимой зависимости Болонцевъ отъ городского начальства (6). Это

изслѣдованіемъ состава одного только Университета Юристовъ, равно какъ и способа преподаванія только Юридическихъ Наукъ въ Болонскомъ Училищѣ.

(1) Stat. Bon. lib. 3, p. 50, rubr. de juramento scholarium.

(2) Такъ изъ осьми Statuarii четыре legistae, а четыре decretatistae или canonistae. Stat. Bon. lib. 1, p. 19, rubr. de statuariis.

(3) Stat. Bon. lib. 1, p. 16—57—102.

(4) Stat. Bon. lib. 3, p. 50, rubr. de juramento scholarium.

(5) Stat. Bon. lib. 3, p. 51, reform. p. 84.

(6) По Статуту 24 Ноября 1574 года лишаются права быть университетскими сановниками даже иностранные схоларіи, если

последнее обстоятельство было предметомъ продолжительнаго спора между Университетомъ и городомъ. Университетъ въ свою очередь требовалъ зависимости отъ Болонскихъ схоляріевъ, какъ членовъ университетской общины, по положенію обязанныхъ дать присягу на подчиненность Ректору и Статутамъ (1). Городъ отвергалъ это требованіе Университета и Болонскимъ схоляріамъ за подобную присягу грозилъ денежнымъ штрафомъ и изгнаніемъ (2). Папское утвержденіе университетскихъ Статутовъ рѣшило споръ въ пользу Университета.

Равномѣрно Докторы и Профессоры, за исключеніемъ тѣхъ только, которые въ званіи схоляріевъ облечены были саномъ Ректора, не имѣли голоса въ университетскомъ собраніи (3) и не могли быть савовниками Университета, хотя бы они и не носили Докторскаго костюма и въ образѣ жизни нисколько не отличались отъ схоляріевъ (4). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ права и обязанности Профессоровъ были тѣ же, что и схоляріевъ (5). Профессоры, какъ и схоляріи, состояли въ зависимости при своемъ производствѣ въ профессорское

они сдѣлались Болонскими гражданами, что нерѣдко случалось: ибо многіе схоляріи лѣтъ десять и болѣе посвящали ученію. *Roffredi libelli jur. civ. rubri qualiter judicium declinetur: «multi scholares facti sunt cives Bonon., quia ultra decem annos ibi moram traxerunt et fere in aetate decrepita volunt consummare dies suos».*

(1) Stat. Bon. lib. 1, p. 7, lib. 2, p. 40, lib. 3, p. 50, reform. p. 83.

(2) Sarti, Stat. Bon. lib. 4, p. 67 (Извлеченіе изъ городскихъ Статутовъ).

(3) Stat. Bon. reform, p. 75: «Quinimo antiquus rector semper stare possit in universitate congregata et sedere penes rectorem, qui pro tempore fuerit et dare vocem in illa, ut quilibet scholarius in sua natione, *etiamsi ipse factus esset doctor actu legens.*

(4) Статутъ 24 Ноября 1574 года.

(5) Stat. Bon. lib. 2, p. 47, rubr. de privat. D. D. lib. 3, p. 64, rubr. qui gaudere, lib. 4, p. 71, rubr. de privil. schol.

званіе и послѣ каждаго годно давали присягу на подчиненность Ректору и Статутамъ (1), подлежали судебной власти Ректора и въ наказаніе за проступки могли быть подвергаемы не только денежному штрафу (2), но и исключенію, лишавшему ихъ права читать лекціи до тѣхъ поръ, пока обратно не были приняты въ Университетъ (3); не могли отлучаться отъ должности безъ дозволенія Ректора, и если отлучка требовала болѣе осьмидневнаго срока, ее разрѣшалъ Университетъ (4). Такого рода зависимость Профессоровъ отъ Ректора не подлежала ни малѣйшему спору: ибо кромѣ того, что въ Статутахъ правила относительно ея точны и опредѣлительны, явно признавали ее и самые Профессоры (5) и городъ, который только *Doctores non legentes* и то безуспѣшно старался освободить отъ зависимости Университета (6).

Во время торжественныхъ шествій между Совѣтниками (*consiliarii*), какъ представителями Университета, и Докторами возникалъ споръ относительно мѣста. Декретомъ Папскаго Легата 1576 года и опредѣленіемъ Университета 1584 года, первенство присвоено Совѣтни-

(1) *Ibid.* lib. 2, p. 33, 40, reform. 88.

(2) *Ibid.* lib. 2, p. 33, rubr. de forma juramenti.

(3) *Ibid.* lib. 2, p. 38, rubr. de absentat. D. D. p. 39, rubr. quod Doctor privatus.

(4) *Ibid.*

(5) Bartolus ad auth. *Habita*: «In universitate ista Bononiensi doctores subsunt rectori, nec posset appellari a rectore ad Doctores». — Baldus *ibid.* num. 14: «Modo quaero, num quid Doctores subsint universitati? Breviter dicendum est, quod non nisi ex praerogativo consuetudinis vel juramento, quia juraverunt obedire rectori».

(6) Statut Bon. lib. 4, p. 67: «Et quod doctores praedicti non legentes non intelligantur adstricti et ligati per statuta alicujus universitatis scholarium». Университетъ статью эту отвергъ. — Stat. Bon. reform. 83, rubr. de priv. et immunit.

камъ и въ томъ даже случаѣ, когда Профессоры являлись въ видѣ Коллегіи (*in Collegio*) и въ парадныхъ костюмахъ (1).

Въ званіи кліентовъ (*suppositi universitati*), принадлежали къ Университету ремесленники, обязавшіеся работать предпочтительно для Университета, какъ то: рисовщики (*miniatores*), переписчики, переплетчики и служители схоляріевъ; всѣ они подчинялись Ректору и Статутамъ и присягали на вѣрность въ исполненіи своихъ обязанностей (2). Сверхъ сего Университетъ избиралъ нѣсколькихъ Болонскихъ купцовъ, которые снабжали схоляріевъ нужными товарами. Эти купцы, равно какъ и всѣ содержатели книжныхъ магазиновъ (*stationarii tenentes exempla librorum*), обязывались дать присягу Ректору въ томъ, что они честно будутъ служить Университету (3).

Мы уже упомянули выше, что схоляріи образовали два главные Университета: Предальпійцевъ и Заальпійцевъ (*Citramontani et Ultramontani*). Къ Университету Предальпійцевъ причислялись семнадцать націй, какъ то: *Romani, Abrucium et Terra laboris, Apulia et Calabria, Marchia anchonitana inferior, Marchia anchonitana superior, Sicilia, Florentini, Pisani et Lucani, Senenses, Ducatus (Spoletani), Ravennates, Veneti, Genuenses, Mediolanenses, Tesolonici, Longobardi, Celestini*. Университетъ Заальпійцевъ составляли восемнадцать націй, именно: *Gallia, Portugalia, Provincia, Anglia, Borgondia, Sabaudia, Vasconia et Alvevnia, Bicturia, Turo-nenses, Castella, Aragonia, Catalonia, Navaria, Alamania, Ungaria, Polonia, Boemia, Flandrenses* (4). Впрочемъ, число и названіе націй часто измѣнялось, смотря по

(1) Прибавленіе къ Статутамъ въ рукописи.

(2) *Stat. Bon. lib. 3, p. 61, rubr. qui gaudere privilegio universitatis.*

(3) *ibid. lib. 1, p. 9, rubr. de electione mercat.*

(4) *Stat. Bon. libr 1, p. 11—13.*

числу схоларіевъ, которые изъ той или изъ другой націи являлись въ Университетъ (1). Присемъ имѣлась въ виду родина схоларіевъ, а отнюдь не мѣста жительства ихъ родителей и не произвольный выборъ (2). Болонцы не составляли особой націи и не причислялись къ другимъ и вообще принадлежали къ обоимъ Юридическимъ Университетамъ.

Кромѣ этихъ небольшихъ корпорацій были еще при Болонскомъ Училищѣ *Collegia scholarium, qui vivunt sumptibus alienis*, содержавшіяся на счетъ благотворительныхъ фундашей, подъ надзоромъ Университетскаго начальства (3). Но этого рода Коллегіи, весьма замѣчательныя въ Парижѣ (4), въ Италіянскихъ Университетахъ никогда не достигали особенной важности и на ихъ внутреннее устройство никакого не имѣли вліянія.

Въ числѣ сановниковъ Университета первое мѣсто занималъ Ректоръ. Съ древнѣйшихъ временъ до половины XV столѣтія избираемы были два Ректора, по

(1) Ibid. *refor.* p. 78. Сартти, Савіоли. — Статутъ 24 Апрѣля 1593 года (въ рукописи), въ первый разъ упоминаетъ *de Consiliariis Indiarum* (Западной Индіи, Америки); первый *Consiliarius Indiarum* подарилъ Университету сочиненіе: «*Novus Americus orbis*» съ прекрасными рисунками. — Статутъ 1607 года.

(2) *Stat. Bon. lib. 3, p. 50.*

(3) Эти Коллегіи были основаны разновременно: 1263 г. *Colleg. Avenionense*; 1330 г. *Coll. Guill. Brixienne*; 1364 г. *Hispanicum a Carlo Aegidio Albornoz*; 1364 г. Папское *Stipendium*; 1413 г. *Coll. Petri de Anchorano*. Много другихъ основано въ новѣйшія времена. — Sarti, Orlandi, Ghirardacci, Fantuzzi *monum. Ravenn. T. 5, p. 421.*

(4) Въ Парижѣ, также какъ и въ Болоніи, первоначально Коллегіи были устроены для бѣдныхъ Схоларіевъ и содержались на счетъ благотворительныхъ пожертвованій; но въ послѣдствіи явились Коллегіи и для богатыхъ схоларіевъ, въ родѣ Пансіоновъ, такъ что наконецъ почти всѣ схоларіи жили Коллегіями. Древнѣйшая и главнѣйшая изъ этихъ Коллегій, Сорбонна, основана въ 1230 году.

одному для каждого Университета (1). Потомъ оба Юридическіе Университета довольствовались однимъ общимъ Ректоромъ, и таковое постановленіе съ 1552 года сдѣлалось постояннымъ правиломъ (2). Для Ректорскаго сана требовались отъ Кандидата слѣдующія качества: онъ долженствовалъ быть схолярій, clericus, холостой (non conjugatus), не монахъ (nullius religionis appareat), отличной нравственности (vita et moribus gravis, honestus, discretus, quietus et justus), двадцати пяти лѣтъ отъ роду, достаточнаго состоянія (ita quod expensas officii valeat honorabiliter supportare), и не менѣе пяти лѣтъ, на собственномъ иждивеніи, учившійся Правовѣдѣнію (3). Clericus, безъ сомнѣнія, означаетъ здѣсь лице, посвятившее себя литературнымъ занятіямъ (4), но не духовное. Это мнѣніе имѣетъ двоякое основаніе: во-первыхъ, статуты предоставляютъ Ректору право носить оружіе (5), что вовсе несовмѣстно съ духовнымъ званіемъ; и во-вторыхъ, Болонское Училище возникло безъ всякаго содѣйствія со стороны Духовенства; да и въ Парижскомъ Университетѣ, гдѣ преобладало духовное направленіе, не видно, чтобы Духовныя лица правили Университетомъ (6).

(1) Ghirardacci, T. 2, p. 528, 645.

(2) Stat. Bon. lib. 1, p. 14: «Tam Ultramontanorum, quam Citramontanorum non nisi unus et idem est rector. Въ позднѣйшія времена, вѣроятно для избѣжанія расходовъ, какія сопряжены были съ ректорскимъ достоинствомъ, вмѣсто Ректоровъ избирались Priores, Presidentes и Consilarii. — Informazione alli forestieri.... della città..... di Bologna, p. 58 (1791).

(3) Stat. Bon. lib. 1, p. 1.

(4) Это значеніе довольно обыкновенное. Ducange v. Clerici. Въ Парижѣ всѣ Студенты именовались Clerici scholares и всѣ книгопродавцы — Clerici librarii. Da Breul antiquitez de Paris, p. 458—459.

(5) Stat. Bon. lib. 1, p. 5.

(6) Bulaeus, T. 4, p. 292.

Ректоры избирались на одинъ годъ; выборъ производился подъ предсѣдательствомъ прежняго Ректора Совѣтниками (*Consiliarii*) и извѣстнымъ числомъ избирателей, назначенныхъ въ полномъ собраніи Университета изъ тѣхъ или другихъ націй, по установленной очереди (1).

Университеты ревностно старались доставить Ректорскому сану самый высокій почетъ. По ихъ ходатайству, папскія Буллы присвоили Ректорамъ первенство не только предъ Архидіакономъ Болонскимъ, но и предъ всѣми Архіепископами и Епископами (за исключеніемъ Епископа Болонскаго) и даже предъ Кардиналами, носившими званіе схоляріевъ (2). Въ древности Ректоры не имѣли особаго почетнаго титула. Не ранѣе, какъ въ концѣ XV столѣтія, въ дополненіяхъ къ Статутамъ, Ректорамъ присвоенъ титулъ *Magnificus* (3). Папа Пій IV изданнымъ въ 1563 году *breve*, предоставляетъ каждому отставному Ректору право требовать Государственной должности въ Мархѣи или Романьи, угрожая Намѣстникамъ, которые не исполнили бы этого требованія, денежнымъ штрафомъ въ 1000 дукатовъ (4).

(1) *Stat. Bon. lib. 1, p. 2, reform. p. 74* Гирардачи, Сартти.

(2) *Stat. Bon. p. 75, 95 и 98.* Гирардачи, Т. 1, р. 424. Поэтому поводу произошло странное столкновение Ректорскаго достоинства съ достоинствомъ *Anziano*, однимъ изъ почетнѣйшихъ въ городскомъ Правительствѣ Болоніи, въ которое назначались обыкновенно Докторы, уроженцы Боловскіе. Докторъ, по своему званію, во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Университета, долженъ былъ уступать первое мѣсто Ректору: поэтому, чтобы не уронить чрезъ то высокаго достоинства *Anziano*, Городовое Правительство издало въ 1508 году постановленіе, коимъ вмѣнялось въ обязанность Доктору, во все время, пока онъ облеченъ былъ званіемъ *Anziano*, не оставлять дворца (*palatium*) и даже въ немъ читать свои лекціи. *Stat. Bon. p. 109.*

(3) *Stat. Bon. p. 15, 89, 101—103—106.*

(4) Дополненіе къ Статутамъ (рукопись).

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что первоначально грамотою Императора Фридерика I, судебная власть надъ схоляріями была предоставлена Профессорамъ и мѣстному Епископу; но когда въ послѣдствіи при Болонскомъ Училищѣ образовались Университеты и въ нихъ появились Ректоры, то Профессоры мало по малу потеряли свое первобытное значеніе и сами принуждены были подчиниться Ректору и Университету. Съ этого времени судебная власть, на основаніи Университетскихъ Статутовъ, сдѣлалась неотъемлемымъ достояніемъ Ректоровъ и простиралась съ одинаковою силою на всѣхъ Членовъ Университета (1), за исключеніемъ однихъ Нѣмецкихъ схоляріевъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ подчинялись только своему Прокуратору. Судебная власть Ректора въ гражданскихъ дѣлахъ не подвергалась ни ограниченію ни оспориванію въ двухъ случаяхъ: 1) когда обѣ стороны, истецъ и отвѣтчикъ, были членами Университета, т. е. схоляріи или Докторы, и 2) когда отвѣтчикъ былъ Членомъ Университета, а посторонній истецъ соглашался на судъ Ректора: ибо въ такомъ случаѣ Члены Университета не могли уже уклониться отъ Ректорскаго суда безъ нарушенія данной ими присяги на подчиненность Ректору и Статутамъ (2). Но случай, когда посторонній истецъ не хотѣлъ судиться у Ректора, былъ предметомъ продолжительнаго спора между Университетомъ, городомъ и Профессорами. Университетъ рѣшительно считалъ и этотъ случай подлежа-

(1) Rolandinus tract. notularum tit. de benef. fori, quod competit scholaribus.

(2) Baldus ad auth. Habita, num. 36, 37. Сказавъ, что схолярій, кромѣ Подесты, Ректора и Епископа, имѣетъ и четвертаго судью Ректора, продолжаетъ: «Respondeo quod habet eum, sed si coram ipso conveniatur, non potest eum declinare ratione professionis, cui est adstrictus vinculo juramenti».

щимъ суду Ректора (1), требовалъ отъ Начальника города клятвеннаго обѣщанія въ безусловномъ соблюденіи правъ Ректора относительно сулейной власти въ духѣ Университетскихъ Статутовъ (2), и городовымъ судьямъ, за разбирательство не подлежащаго, по силѣ Университетскихъ Статутовъ, суду ихъ тяжёбнаго дѣла, угрожалъ исключеніемъ изъ Университета (3). Но городъ, отвергая такое притязаніе Университета, поставлялъ въ обязанность Градоначальнику приводить въ исполненіе приговоры Ректора тогда только, когда обѣ тяжущіяся стороны принадлежали къ Университету (4). Наконецъ Профессоры утверждали, что въ дѣлахъ подобнаго рода Ректоръ не можетъ быть судьей, и что они подлежатъ разбирательству Доктора или Епископа, на основаніи Фридериковой грамоты, или Подесты, какъ *judicis ordinarii* (5). Споръ однакожь рѣшенъ былъ Папами въ пользу Ректоровъ. Булла Павла III, 1544 (6) и бреве

(1) Stat. Bon. lib. 1, p. 6. «Nec possit scholaris vel privilegio scholarium gaudens conveniri a non scholario coram alio iudice quam Rectore nisi forsitan voluntate conveniret (conveniretur) coram episcopo vel doctore».

(2) Stat. Bon. reform. p. 76, rubr. de juramento domini potestatis.

(3) Ibid. lib. 3, p. 54, rubr. de poena iudicis secularis.

(4) Ibid. lib. 4, p. 70: «Item quod potestas praedictus teneatur.... sententias per eos vel eorum alterum latas.... super quaestionibus vertentibus inter ipsos scholares ad invicem, vel inter ipsos et eorum familiares s. officiales ad invicem, vel inter ipsos familiares s. officiales ad invicem, executioni mandare», etc.

(5) Baldus ad auth. Habita, nom. 78: «Sed an scholaris, qui convenitur coram Doctore, possit eligere rectorem Universitatis. Respondeo non, quia non est lege cautum: nam electio datur solum inter tres iudices, ut eligat utrum velit vel Podestam, vel Episcopum, vel Doctorem: de Rectore autem universitatis non meminit lex».

(6) Stat. Bon. addit. p. 98: «Quod de caetero causae civiles aut cum aliquis vestrum a cive convenitur, seu criminales, in qui-

Пія IV. 1563 г. (1), распространили судебную власть Ректоровъ на всѣ тѣ дѣла, въ которыхъ одною изъ тяжущихся сторонъ, истецемъ или отвѣтчикомъ, былъ схолярій. Эти Папскія постановленія внесены были въ Университетскіе Статуты и получили обязательную силу общихъ Государственныхъ Законовъ. При этомъ измѣненъ также и апелляціонный порядокъ: прежде недовольные приговоромъ Ректора подавали прошеніе Совѣтникамъ націй и на приговоръ послѣднихъ приносили жалобу въ особый судъ, состоявшій изъ Ректора другого Университета и четырехъ Совѣтниковъ (2), но съ половины XVI столѣтія апелляціонныя жалобы поступали уже къ Папскимъ Намѣстникамъ (3).

Что же касается судебной власти Ректоровъ въ уголовныхъ дѣлахъ, никто не оспаривалъ у нихъ права судить малые проступки лицъ, зависѣвшихъ отъ Университета, и особенно проступки противъ самаго Университета, и виновныхъ приговаривать къ денежнымъ штрафамъ или къ исключенію изъ Университета (*privatio*). Въ первыя времена штрафныя деньги раздѣлялись поровну между двумя Ректорами и двумя Университетами, потомъ онѣ поступали въ пользу единственнаго Ректора, Синдика и Университета (4).

bus ad sanguinis paenam deveniri non potest inter (scholares) duntaxat vertentes per Rectorem... decidi et terminari possint et debeant».

(1) *Omnes et quascunque causas civiles tantum inter ipsos scholares ejusdem Universitatis et alios quoscunque in futurum movendas videndi, audiendi, cognoscendi, decidendi, ac fine debito terminandi, ita ut omni moda et libera jurisdictio respective dictarum causarum ad eundem Rectorem libere et pleno jure spectet et pertineat...* (Дополненіе къ Статутамъ въ рукописи).

(2) *Stat. Bon. lib. 1, p. 7.*

(3) *Stat. Bon. addit. p. 78.*

(4) *Ibid. lib. 1, p. 7 и 8, lib. 3, p. 61, addit. p. 107.* Денежныя штрафы опредѣлялись за всякое упущеніе по должности, за малѣйшее отступленіе отъ предписаній Статутовъ.

Исключеніе изъ Университета лишало права посѣщать лекціи, производства въ Докторское достоинство (*promotio*) и Профессорской кафедры. Если Университетскіе кліенты наказывались исключеніемъ, тогда всѣ Члены Университета обязывались прекратить съ ними всякія сдѣлки, подѣ опасеніемъ навлечь на себя самихъ подобное наказаніе. Подвергались исключенію и постороннія лица, какъ то: Болонскіе граждане и Начальники города: исключеніе такого рода влекло за собою слѣдующія послѣдствія: 1) Всякія жалобы исключеннаго посторонняго лица на схоляріевъ оставались безъ вниманія. 2) Исключеніе простиралось и на потомство. 3) Всякой другой городъ, который принялъ бы у себя на службу исключенное лицо, подвергался равномѣрно исключенію со всѣми своими гражданами (1). Впрочемъ, по просьбѣ виновнаго, Университетъ не затруднялся замѣнить исключеніе денежнымъ штрафомъ и возратить исключенному потерянные права (2).

Университетскіе Статуты не допускали никакого ограниченія судебной власти Ректора даже и относительно преступленій въ тѣсномъ значеніи этого слова (*delictum, crimen*), и Членамъ Университета, которые уклонялись бы отъ нея, грозили исключеніемъ (3). Но такъ какъ преступленіе схоляріевъ могло иногда подвергать крайней опасности общественное спокойствіе, то и не удивительно, что городъ сильно противосталъ неумѣреннымъ притязаніямъ Университета и успѣлъ склонить на свою сторону Папу Павла III, который, изданною въ 1544 году буллою, рѣшилъ споръ тѣмъ, что, признавъ

(1) *Ibid.* lib. 3, p. 63, rubr.: qui dicitur privatus commodo et honore Universitates, и также, p. 54, rubr. de poena jud. secul.

(2) За обратный пріемъ исключенный Членъ Университета обыкновенно платилъ 20 сольдовъ, постороннее лицо вдвое.

(3) *Stat. Bon.* p. 15 (1314 г.).

судебную власть Ректора по дѣламъ личной обиды въ такомъ только случаѣ, когда обиженный и обидчикъ подлежали Университету, изъясля въ его вѣдѣнія тяжкія уголовныя преступленія *in quibus ad sanguinis rapenam deveniri potest* (1). Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что до изданія помянутыхъ Папскихъ распоряженій, окончательно назначившихъ предѣлы судебной власти Ректора, какъ ни упорно Университетъ отстаивалъ права своего Начальника, отношенія четырехъ властей, о которыхъ говорили мы въ предыдущей главѣ— Подесты, Ректора, Профессоровъ и Епископа, издревле признанныхъ надъ схоляріями, были ясно опредѣлены древнѣйшими Статутами самого же Юридическаго Университета въ томъ видѣ, какъ понимали это дѣло Профессоры Права и городъ (2); именно: 1) ежели обѣ подсудимыя стороны состояли изъ схоляріевъ, онѣ безусловно подлежали суду Ректора; 2) ежели обиженный, лице постороннее, жаловался на схолярія Ректору, схолярій самъ собою не имѣлъ права уклоняться отъ приговора своего Начальника; но 3) ежели обиженный, постороннее лице, приносилъ жалобу на схолярія Градоначальнику; тогда обидчикъ имѣлъ право или согласиться на судъ послѣдняго, или требовать расправы въ присутствіи Профессора или Епископа (3). Разбирательству Ректора такого рода дѣла вовсе не подлежали (4).

Кромѣ Ректора, были еще слѣдующіе сановники Университета: I. *Consilarii*, т. е. представители отдѣльных націй, въ каждой по одному, а иногда и по два. *Consilarii* составляли *Senatum Rectoris magnifici*, и подъ его предсѣдательствомъ участвовали въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ,

(1) *Ibid.* addit. p. 98 (1544 г.).

(2) См. примѣчанія 6 на 59 стр. и 1 на 60.

(3) См. примѣч. 3 на 59 стр..... nisi forsan voluntate conveniretur eorum episcopo vel doctore.

(4) См. примѣч. 6 на 59 стр. и 1 на 60.

относящихся къ Университету (1). У Нѣмецкой націи были два Совѣтника, именовавшіеся *Procuratores*. Они пользовались судебною властью надъ Нѣмецкими схоларіями, и сами не подчинялись ни Ректору, ни городовому начальству (2). II. Синдикъ (*Syndicus*), представитель обоихъ Университетовъ у постороннихъ судебныхъ мѣстъ, былъ избираемъ ежегодно изъ схоларіевъ, состоялъ въ зависимости Университета, но не Ректора, и получалъ жалованья 12 ливровъ (20 руб. 85 коп. серебромъ на наши деньги) и $\frac{1}{3}$ денежныхъ штрафовъ (3),

Низшіе Университетскіе Чиновники были: 1) Нотарій, который ежегодно былъ избираемъ для обоихъ Университетовъ изъ городскихъ Нотаріевъ; онъ получалъ жалованья 40 ливровъ или 69 руб. 20 коп.; 2) *Massarius* или Казначей, избравшійся для обоихъ Университетовъ изъ городскихъ банкировъ, и 3) два Беделя (*bidelli*) по одному для cadaго Университета; они также избирались ежегодно (4).

(1) Stat. Bon. lib. 1. p. 11—14, lib. 3, p. 51. Сarti доказываетъ, что *consilarii* были уже въ 1263 году.

(2) *Privilegia nationi Germanicae.... indulta Bon. 1633 г. p. 6*: «Quod ii, qui praesunt, potestatem et auctoritatem iudicendi inter eos, qui in illo collegio continentur, habeant, et quod externus aliique si quem e collegio convenire vellent, ei necesse est coram magistratibus collegii experiri, etiam quod Rector aut Syndicus, cessante Collegii Germanici magistratu, eam jurisdictionem ad se transferre non posset».

(3) Stat. Bon. lib. 1, p. 20, reform. p. 78. — Lira, soldo bolognino; Болонскія серебряныя монеты — Lira, Лат. libra, Франц. livre. — Въ лирѣ заключалось 20 сольдовъ, въ сольдѣ 20 болончиковъ. Первоначальная лира соотвѣтствовала фунту серебра; но въ послѣдствіи, отъ примѣси мѣди, цѣнность ея до того упала, что лира, по вычисленію Савиньи (*Geschichte des Römischen Rechts im Mittelälter. 3, 73, Anhang 1*), равнялась на наши деньги почти 1 р. 73 к. серебр.; а слѣдовательно сольдъ около 8 коп., а болончикъ около $\frac{3}{4}$ коп.

(4) Stat. Bon. lib. p. 20—23 (*Notarius*). Lib. 1, p. 16 (*Massarius*), lib. 1, p. 23. 24, lib. 2, p. 44, addit. p. 107 (*Bidelli*).

Отношенія Университета къ городу Болоніа были весьма благопріятны. Городъ усердно заботился о благосостояніи и процвѣтаніи училища. Это доказываютъ всѣ права и преимущества, какія были предоставлены Профессорамъ и схоляріямъ. Болонскіе уроженцы освобождались отъ военной службы и отъ всѣхъ городскихъ повинностей и налоговъ. Иностранные Профессоры и схоляріи уважались наравнѣ съ Болонскими гражданами. Городъ обезпечивалъ имъ вознагражденіе изъ собственной казны за причиненную имъ обиду воровствомъ или насиліемъ, въ случаѣ, ежели виновный оказался бы несостоятельнымъ (1). Затрудненія относительно найма квартиръ для Профессоровъ и схоляріевъ были устранены особыми постановленіями города. Ежегодно избирались по четыре оцѣнщика (*taxatores*), по два отъ города и по два изъ схоляріевъ, которые опредѣляли цѣну каждой квартиры. Строго запрещалось владѣльцамъ домовъ требовать свѣше таксы, равно какъ Профессорамъ и схоляріямъ возвышать опредѣленную по таксѣ плату за наемъ квартиры. Домъ, котораго владѣлецъ не захотѣлъ бы подчиниться таксѣ, подвергался запрещенію (*interdictio*), т. е. запрещалось схоляріямъ имѣть въ немъ квартиру; такое же наказаніе распространялось и на дома, сосѣдніе съ квартирою схолярія, если бы кто въ ней нанесъ ему оскорбленіе или учинилъ воровство (2), равно какъ и на домъ каждаго гражданина за неправую жалобу на схолярія. Для облегченія иностраннымъ схоляріямъ въ пріисканіи помѣщенія, университетскій Нотарій хранилъ у себя списокъ наемнымъ квартирамъ (3). Схолярію не дозволялось вытѣснять своего сотоварища

(1) Stat. Bon. lib. 4, p. 69—71. Сартти, Гирардачи. Освобожденіе Профессоровъ отъ городскихъ повинностей послѣдовало въ 1417 году.

(2) Stat. Bon. lib. 2, p. 45, 47, 48. Lib. 3, p. 54.

(3) Stat. 1588 г. (въ рукописи).

изъ нанятой квартиры; каждый имѣлъ право простоять на одной квартирѣ три года (1).

Удовольствія схоляріевъ были также предметомъ попеченія городскихъ законодателей. Закономъ 1521 года учреждена была ежегодная подать съ Евреевъ по 104½ ливра въ пользу Юристовъ и по 70 въ пользу Артистовъ (180 руб. 78½ коп. и 121 руб. 10 коп.), съ назначеніемъ этихъ денегъ на увеселенія во время масляницы (2). Древнее обыкновеніе схоляріевъ собирать деньги отъ Профессоровъ и другихъ почетныхъ лицъ города въ первый день зимы (когда выпадетъ первый снѣгъ), въ половинѣ XVI столѣтія было внесено въ статуты и правила сбора тщательно опредѣлены. Никто не имѣлъ права собирать подобныя деньги, кромѣ лица, нарочно на этотъ предметъ избраннаго Университетомъ, которое приступало къ сбору не прежде, какъ получивъ увѣдомленіе отъ Папскаго Легата или Вице-Легата, что снѣгъ дѣйствительно выпалъ. Денегъ этого рода не лзя было употребить ни на что болѣе, какъ только на украшеніе университетскихъ зданій портретами и статуями знаменитѣйшихъ Профессоровъ (3). Для всѣхъ членовъ Университета и предпочтительно для схоляріевъ опредѣлено было форменное платье, которое предписывалось носить въ городѣ подъ страхомъ денежнаго взысканія (4).

(1) Stat. Bon. lib. 2, p. 45—48. Сартти, Савіоли.

(2) Ibid. lib. 4, p. 96.

(3) Statuta 1577, 1586, 1591, 1599, 1612 г. (въ рукописи).

(4) Stat. Bon. lib. 3, p. 52, rubr. de vestimentis scholarium.

«de panno coloris nigri, quem pannum pro habitu superiori cappa tarbado vel gabano..... pro tunc longiore veste inferiori, et clausa a lateribus ac etiam fibulata seu maspillata antierius circa collum portare teneantur (scholares) intra civitatem sub paena trium lib. bonon.... Rect. effectualiter exigenda.... Mandantes Rectoribus sub paena quinque lib. bonon: quam ipso facto incurrant, quatenus statutum istud non faciant servari».

Азартныя игры были строго запрещены, и уличенные игроки наказывались пятью ливрами штрафа (1).

Но ничто болѣе не доказываетъ заботливости города Болоніи о благосостояніи своего училища, какъ его ревностное опасеніе, чтобы другое какое-либо училище не процвѣло на счетъ Болонскаго и во вредъ ему, и тѣмъ предусмотрительныя мѣры, какія для отвращенія подобнаго несчастія принимаемы были дружно городскими и университетскими статутами. Каждый Профессоръ, при возведеніи своемъ въ Докторскую степень и съ тѣмъ вмѣстѣ въ Профессорское званіе (объ этомъ будетъ говорить въ слѣдующей главѣ), обязывался клятвою никогда не противодѣйствовать пользамъ Болонскаго училища (2). Смертная казнь и взятіе имущества въ казну ожидали Болонскаго гражданина, если бы его уличили въ подстреканіи схоларіевъ къ переходу въ другое училище Правовѣдѣнія. Подобной казни подвергались Профессоры, какъ Болонскіе уроженцы, такъ и иностранцы, получавшіе штатное жалованье, въ случаѣ если бы осмѣлились принять Профессорскую должность въ другомъ какомъ-либо училищѣ, первые послѣ пятидесяти лѣтъ жизни, вторые до истеченія въ контрактѣ опредѣленнаго срока (3).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

В. ИГНАТОВИЧЪ.

(1) Stat. Bon. lib. 3, p. 53.

(2) Ibid. lib. 2, p. 40, 41.

(3) Ibid. lib. 4, p. 67 и 68. Сарти.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Сводъ мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ. Двѣ части. Часть I: *Учрежденія*. Часть II: *Законы о состояніяхъ*.— Введеніе къ первой части Свода мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ. — Введеніе ко второй части Свода мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ.— Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго Законодательства Губерній Остзейскихъ. С. Петербургъ, въ тип. Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845 года. 268 и X, 185, 9 и IX, 84 и IV, 149 и V, 224 и VII стр., въ б. 8 д. л.

Настоящій періодъ Русской Исторіи по преимуществу можетъ быть названъ періодомъ законодательнымъ: «Полное Собраніе Законовъ», «Общій Сводъ Законовъ Имперіи», «Уложеніе о наказаніяхъ исправительныхъ и уголовныхъ», «Сводъ мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ» и множество отдѣльных Уставовъ по разнымъ частямъ Государственнаго Управленія, сообразныхъ съ духомъ времени и съ общимъ ходомъ политической жизни Имперіи,— суть такіе памятники, которые могли бы составить славу царствованія многихъ Государей.

Не лзя вполнѣ понять предмета настоящаго обзрѣнія, не изложивъ, хотя въ немногихъ словахъ, зна-

ченія «Полнаго Собравія Законовъ» и «Общаго Свода Законовъ Имперіи».

Римъ, умирая, завѣщалъ Западной Европѣ богатое наслѣдство — Законы. Почти все Государства воспользовались этимъ наслѣдствомъ, и притомъ Римское Право дошло до нихъ «не въ видѣ нестройной громады, каково оно было въ самомъ Римѣ, но въ составѣ правильномъ, въ сводѣ, сперва Θεодосіевомъ, потомъ Юстиніановомъ» (1). Не только въ *Leges Barbarorum* упоминается вездѣ о Законахъ Римскихъ, но нѣтъ почти ни одного документа, ни одного акта этой эпохи, который, прямо или косвенно, не свидѣтельствовалъ бы о ежедневномъ ихъ примѣненіи. Такова была судьба Римскаго Права на Западѣ Европы отъ V до XII вѣка. Съ тѣхъ поръ дѣйствіе его не только не пресѣкалось, но усилилось и сдѣлалось общимъ съ XVI столѣтія. Такимъ образомъ въ большей части Европейскихъ Государствъ, кромѣ національныхъ законовъ и обычаевъ, дѣйствовали Законы Римскіе. Это имѣло благотѣльное вліяніе на развитіе Законодательства Европейскаго: «тамъ рѣдко встрѣчались случаи, закономъ неопредѣленные, и можно было допустить правило, чтобы Судья, при недостаткѣ яснаго закона, рѣшалъ дѣло по здравому смыслу, т. е. по общимъ началамъ Законовѣдѣнія, ибо сіи начала существовали въ сводѣ Римскихъ Законовъ» (2). Наконецъ, «во всехъ Государствахъ, гдѣ предпринимали Уложенія, Законодательство уже стояло нѣсколько столѣтій на твердомъ и обширномъ основаніи Свода Юстиніанова, и на семъ-то основаніи строили новое зданіе» (3). Довыиѣ Римскіе Законы имѣютъ значеніе Законовъ вспомогательныхъ въ Нидерландахъ, въ Англіи, только въ судахъ военныхъ и

(1) Обзорѣн. историч. свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. С. Петербургъ, 1833, стр. 83.

(2) Ibid. стр. 88.

(3) Ibid. стр. 97.

адмиралтейства, въ судахъ Духовенства и Университетовъ Кембриджскаго и Оксфордскаго, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи. Въ Германіи Римскіе Законы употребляются только тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ ни Австрійское Земское Уложеніе, ни Прусское Земское Уложеніе, ни Французское Гражданское Уложеніе. Ученое обработываніе Права, особенно въ настоящее время, при высокой степени развитія всѣхъ отраслей знанія, сопровождалось блистательными результатами, чему сначала много содѣйствовало изученіе Римскихъ Законовъ. Оно усилилось съ XII вѣка, особенно въ Италіи: Болонскій Университетъ былъ средоточіемъ, изъ котораго изученіе Римскаго Права быстро распространилось по другимъ странамъ Европы. Въ это время труды всѣхъ Законовѣдцевъ имѣли цѣлю истолкованіе законныхъ книгъ Юстиніана посредствомъ глоссъ, а съ половины XIII вѣка — изъясненіе Аккурсіева свода глоссъ, извѣстнаго подъ именемъ «*Glossa ordinaria*». Въ эпоху возрожденія Наукъ на Западѣ Европы, преподаваніе Римскаго Права получило совершенно другой характеръ: вмѣсто истолкованія текста законныхъ книгъ, начали излагать узаконенія, въ нихъ содержащіяся, въ систематическомъ видѣ и часто съ присовокупленіемъ ихъ исторіи. Во Франціи, при введеніи кодекса Наполеона въ Училища Правовѣдѣнія, постановлено было изучать его вмѣстѣ съ Римскимъ Правомъ: ибо, по словамъ одного изъ редакторовъ кодекса, безъ знанія Римскихъ Законовъ, не лзя понять этого Кодекса. Въ послѣднее время Гуго, Савиньи и Гансъ возвысили своими трудами Науку Римскаго Права на степень Науки *per excellentiam*.

«Другая судьба предназначена была Провидѣніемъ Россіи. Изъ наслѣдства Римскаго намъ ничего не осталось. Законодательство наше должно было почти все почерпать изъ собственныхъ своихъ источниковъ (*).

(*) Ibid. стр. 85.

Сперва Законовъ у насъ было недостаточно, и потому Судъ непрестанно обращался къ Законодательству и искалъ разрѣшенія; отсюда множество отдѣльныхъ Указовъ, отсюда такъ-называемыя въ старину *дѣла вершенныя*. Когда же потомъ число Указовъ возрасло, то представило другое затрудненіе: многосложность, раздробительность, неизвѣстность, — затрудненіе равное и можетъ быть еще важнѣйшее, нежели самый недостатокъ Закона: ибо здѣсь наипаче гнѣзятся ябеда, неправые толки, пристрастныя рѣшенія, покрытыя видомъ законности; здѣсь необходимость непрестанныхъ поясненій и разрѣшеній, кои въ свою чреду раждаютъ новую многосложность (*). «Трудность сія несравненно должна быть болѣе въ краяхъ присоединенныхъ, гдѣ законы Россійскіе должно соглашать съ законами мѣстными, кои также раздробительны и разнообразны. Какой можетъ быть способъ выйти изъ сего безконечнаго круга? — Нѣтъ другаго, какъ только разобрать Законы по ихъ родамъ и предметамъ, отдѣлить все дѣйствующее отъ минувшаго, и привести все въ составъ единообразный, то есть, составить Сводъ». Но въ усовершенствованіи Законовъ представляются многочисленныя затрудненія. «Тамъ, гдѣ Законы не приведены въ одинъ составъ, весьма трудно, при частныхъ ихъ исправленіяхъ, обнять и опредѣлить всѣ ихъ послѣдствія: тамъ всегда есть опасности, исправляя одинъ законъ, неожиданно и сверхъ чаянія измѣнить или ослабить другой; тамъ каждое поясненіе и дополненіе, составляя отдѣльный законъ, по необходимости умножаетъ число ихъ и затрудняетъ точность исполненія. Составныя части одного и того же закона нерѣдко бываютъ разсѣяны по пространству нѣсколькихъ столѣтій, такъ что одинъ членъ его является, на примѣръ, въ Уложеніи 1649 г., другой въ Уставѣ 1741 г., третій въ Дополненіи 1830 года.

(*) Ibid. стр. 89 и 90.

«У насъ, усердіемъ нашихъ Ученыхъ, неоднократно были составляемы опыты начертаній такъ-называемаго Россійскаго Права; но какъ начертать учебную систему Законовъ, не зная съ достовѣрностью самыхъ Законовъ во всей ихъ совокупности? Сему недостатку желали пособить введеніемъ въ высшихъ училищахъ нашихъ Права Римскаго. Но Законы Римскіе всегда для насъ будутъ Законы чуждые, и хотя, по великому ихъ обилію, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и по великому ихъ превосходству, они вездѣ должны занимать важное мѣсто, но ученіе ихъ у насъ должно быть ученіемъ только вспомогательнымъ, а не главнымъ; ихъ система должна быть приспособлена къ нашей, а не наша къ нимъ. Такимъ образомъ, ни отъ пособій Римскаго Права, ни отъ частныхъ успій нашихъ Законовѣдцевъ не лзя было ожидать ученаго Законовѣдѣнія (*)». Оно могло начаться только съ изданіемъ Свода.

Безъ Полнаго Собранія Законовъ, самый Сводъ не могъ быть составленъ. «Сверхъ того, оно и при Сводѣ необходимо: во-1-хъ, во всѣхъ дѣлахъ, коихъ начало относится къ происшествіямъ, давно уже протекшимъ, и которыя должны быть разрѣшаемы по законамъ, дѣйствовавшимъ во время сихъ происшествій. Во 2-хъ, разумъ Закона изображается въ причинахъ, на коихъ онъ основанъ. Но причины сія не означены въ статьяхъ Свода; ихъ должно искать въ самыхъ источникахъ, въ самыхъ текстахъ, изъ коихъ статьи составлены. Такимъ образомъ между статьями Свода и первоначальнымъ текстомъ закона существуетъ и всегда должна существовать связь неразрывная; сіи двѣ формы одного и того же Законодательства должны быть неразлучны: Сводъ—какъ законъ буквальный, какъ основаніе рѣшеній, а текстъ Собранія— какъ руководство къ лучшему и полнѣйшему закона уразумѣнію. Въ 3-хъ, Собраніе Законовъ необходимо во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображе-

(*) Ibid. стр. 90—94, 101—103.

ніяхъ, гдѣ настоятъ вопросъ о поясненіи и дополненіи Закона, и гдѣ часто бываетъ нужно прежде всего пройти рядъ прежнихъ узаконеній, сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить начертаніе Закона, утвержденное не только на настоящемъ, но и на прежнемъ разумѣ Законодательства. Въ 4-хъ, извѣстно, что Законы изображаютъ, такъ сказать, внутреннюю жизнь Государства. Въ нихъ видно, какъ нравственныя и политическія его силы слагались, образовались, возрастали и измѣнялись. Слѣдовательно Исторія Государства, безъ познанія Законовъ, не можетъ имѣть ни ясности, ни достовѣрности, такъ какъ съ другой стороны, Законы безъ Исторіи часто бываютъ невразумительны. Посему, чѣмъ благовременнѣе Законы приводятся въ извѣстность, тѣмъ источники Исторіи для современниковъ становятся удобнѣе, для потомства достовѣрнѣе» (1).

Полное Собраніе Законовъ и Общій Сводъ Законовъ составляютъ основаніе, безъ котораго не могли бы явиться ни Сводъ мѣстные, ни Уложенія.

Мысль привести въ общую систему Законы Имперіи принадлежитъ Петру Великому, и началу XVIII столѣтія. Послѣ покоренія Остзейскаго Края, было вскорѣ признано необходимымъ пересмотрѣть и согласить мѣстные Законы онаго.

Въ 1728 г. Лифляндское Дворянство просило Правительство привести мѣстные Законы Лифляндіи въ порядокъ. Прошеніе было принято, и Высочайшимъ Указомъ (2) повелѣно было мысль сію привести въ дѣйствіе. Съ того времени начинается существованіе цѣлаго ряда Коммиссій, которыя, продолжаясь почти непрерывно чрезъ цѣлое столѣтіе, и многократно измѣняясь въ составѣ своемъ, всегда однакожь имѣли предметомъ одно—

(1) Ibid. стр. 153 — 157.

(2) 1728 г. Сент. 12, п. 4.

приведеніе мѣстныхъ Законовъ въ правильный и однообразный составъ. Коммиссій этихъ до 1826 года было четыре. Въ 1828 году учрежденъ при Правительствующемъ Сенатѣ особый Комитетъ для разсмотрѣнія привилегій Дворянства и городовъ Остзейскихъ Губерній. Послѣдствія существованія Коммиссій и особаго Комитета состояли единственно въ открытіи источниковъ Законодательства Остзейскаго Края, въ собраніи матеріаловъ для работы окончательной и въ томъ, что чрезъ нихъ измѣрена вся трудность предпріятія.

Въ 1829 г. составленіе свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ Губерній возложено было на II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Всѣ матеріалы, собранные почти въ теченіе ста лѣтъ прежде бывшими Коммиссіями, отданы были въ распоряженіе вызванному изъ Лифляндіи Ландрату Самсону. По обзорѣніи матеріаловъ, найдено, что всѣ особенности мѣстныхъ Законовъ принадлежатъ къ пяти разрядамъ Законодательства: 1) къ учрежденіямъ; 2) къ праву состояній; 3) къ законамъ гражданскимъ; 4) къ законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ, и 5) къ законамъ о судопроизводствѣ уголовномъ. По симъ пяти разрядамъ распредѣлены всѣ предметы редакціи.

Правила, предписанныя Редактору, состояли въ слѣдующемъ: 1) держаться сколь возможно ближе того плана въ распредѣленіи частей, раздѣловъ и главъ, какой принятъ для Общаго Свода. 2) а) Изъ Законовъ мѣстныхъ принимать Закономъ дѣйствующимъ все, что не содержитъ въ себѣ противорѣчія правамъ и преимуществамъ Самодержавной Власти, основнымъ Законамъ Имперіи и общимъ Законамъ Государственнымъ, и что само собою не измѣнилось теченіемъ времени и общимъ порядкомъ управленія. б) Законы Римскіе допускать лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ, не составляя явнаго противорѣчія ни общимъ, ни мѣстнымъ Законамъ, они слу-

жатъ полезнымъ оныхъ дополненіемъ. в) Судебные обычаи, постоянно и однообразно дѣйствующіе, допускать въ Сводѣ, какъ необходимое въ Законахъ дополненіе.

По симъ правиламъ приступивъ къ дѣлу, Редакторъ окончилъ въ теченіе 1830 года Сводъ Законовъ о правахъ состояній; за тѣмъ, въ 1831 г., составлены и остальные части Свода въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Сводъ Законовъ Гражданскихъ изъ разныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ Остзейскихъ Губерніяхъ, именно изъ Права Римскаго, изъ Польскихъ, Шведскихъ и Датскихъ постановленій, изъ Права Германскаго и Германскихъ обычаевъ, и наконецъ изъ Законовъ Россійскихъ. По первоначальному плану, сей Сводъ былъ раздѣленъ на три книги. Послѣ введенія о Законахъ вообще, въ первой книгѣ излагались права личныя, во второй права на вещи или по имуществу, въ третьей договоры. 2) Сводъ судоустройства (т. е. Учрежденій Губернскихъ) былъ раздѣленъ на двѣ книги: первая заключала въ себѣ родъ общаго регламента судебныхъ мѣстъ въ Остзейскихъ Губерніяхъ, вторая— учрежденіе судовъ первой и второй инстанціи по частямъ гражданской, уголовной и полицейской. Какъ предметы первой части имѣютъ одинаковыя начала во всѣхъ трехъ Губерніяхъ, то сія часть могла быть составлена для всѣхъ въ одномъ видѣ. Но устройство судебныхъ мѣстъ различно въ каждой Губерніи и по составу даже и по названіяхъ оныхъ. При недостаткѣ матеріаловъ, Редакторъ ограничился въ семъ отношеніи одною Лифляндскою Губерніею. 3) Уставъ Судопроизводства Гражданскаго и Уголовнаго. По той же причинѣ, по которой Редакторъ не могъ составить полнаго свода постановленій о судоустройствѣ, онъ и по судопроизводству ограничился одною Лифляндскою Губерніею, представивъ на сей конецъ, вмѣсто новаго свода, книгу своего сочиненія, подъ заглавіемъ: «*Institutionen des Livländischen Prozesses*».

Всѣ эти проекты были препровождены на разсмотрѣніе мѣстныхъ Комитетовъ, составленныхъ въ каждой Остзейской Губерніи, подъ предсѣдательствомъ Гражданскихъ Губернаторовъ. Этимъ Комитетамъ поставлено въ обязанность наблюдать при ревизіи: 1) Всѣ ли дѣйствующія законы представлены въ Сводѣ въ истинной ихъ силѣ. 2) Не приведено ли законовъ излишнихъ, т. е. такихъ, которые отмѣнены позднѣйшими. Сверхъ того возложено на нихъ: 1) Составить Своды о судоустройствѣ для Эстляндіи и Курляндіи. 2) Книгу Самсона о судопроизводствѣ разсмотрѣть, дополнить, исправить и примѣнить къ каждой Губерніи особо, отдѣливъ судопроизводство въ Земскихъ Судебныхъ мѣстахъ отъ судопроизводства въ Судахъ Городскихъ. 3) Въ отношеніи иностранныхъ законовъ, также нѣкоторыхъ толкованій, принимаемыхъ судебными мѣстами и Законовѣдцами, обращать вниманіе на то, всѣ ли означенныя законоположенія дѣйствуютъ равно во всѣхъ трехъ Губерніяхъ и единообразны ли толкованія, принимаемыя въ Судахъ, если они не утверждены законами. 4) Вообще имѣть въ виду, что Своды суть не новое *уложеніе*, а только *изложеніе дѣйствующихъ законовъ*. По соображеніи замѣчаній Комитетовъ и исправленіи по онымъ текста, приступлено было ко второй редакціи Свода мѣстныхъ узаконеній. Она была окончена въ 1836 г. Главныя для оной правила состояли въ слѣдующемъ: 1) Расположить Сводъ мѣстныхъ Законовъ по плану Общаго Свода Законовъ Имперіи. 2) Ввести въ составъ онаго Законы общіе, выпущенныя изъ вида при первой редакціи. 3) Пересмотрѣть и сообразить замѣчанія мѣстныхъ Комитетовъ. 4) Изложить проектъ на двухъ языкахъ, Русскомъ и Нѣмецкомъ.

Вторая редакція Свода подвергнута была ревизіи въ особомъ Комитетѣ изъ мѣстныхъ чиновниковъ и депутатовъ, учрежденномъ при Второмъ Отдѣленіи. Комитетъ окончилъ возложенную на него обязанность

въ 1839 г. Въ послѣднемъ засѣданіи Комитета, Члены его объявили и удостовѣрили своимъ подписаніемъ, что находятъ исправленный по ихъ замѣчаніямъ проектъ совершенно сходнымъ съ дѣйствующими въ ихъ Краѣ узаконеніями.

Между тѣмъ, въ продолженіе работъ Ревизіоннаго Комитета поступило во II Отдѣленіе изъ Государственнаго Совѣта, изъ Министерствъ и изъ бывшаго при Сенатѣ Комитета для разсмотрѣнія правъ и привилегій Остзейскихъ Губерній около 120 дѣлъ (1); въ сихъ дѣлахъ заключались также разнородные вопросы, разрѣшеніе коихъ требовало соображеній съ Законами.

По разсмотрѣніи сихъ вопросовъ, изъ коихъ многіе были предметомъ вѣковыхъ споровъ между Дворянствомъ и городами, найдено:

1) Что при вступленіи Остзейскаго Края въ подданство Россіи, Правительство наше подтверждало всѣмъ состояніямъ только тѣ права и преимущества, которыя каждому изъ нихъ принадлежали по древнимъ грамотамъ и обыкновеніямъ, слѣдственно доказательства сихъ правъ должны быть предметомъ изысканій историческихъ.

2) Что многіе изъ предметовъ спора тѣсно связаны съ Исторіею хода Законодательства Остзейскаго Края, и для разрѣшенія ихъ, для устраненія сомнѣній было необходимо обратиться къ разсмотрѣнію самыхъ источниковъ мѣстнаго Законодательства и къ составленію Исторіи или, лучше сказать, *Историческаго Свода Остзейскаго Законодательства* (2).

Сей Историческій сводъ составленъ былъ по плану, начертанному незабвеннымъ Графомъ Сперанскимъ.

(1) Въ послѣдствіи особою повѣркою число вопросовъ и дѣлъ значительно сокращено.

(2) Обзорѣніе историческихъ свѣдѣній объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго Законодательства въ Губерніяхъ Остзейскихъ болѣею частію почерпнуто изъ сего историческаго Свода.

Наконецъ послѣдняя ревизія Свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ Губерній была поручена особому Комитету изъ Сенаторовъ, Оберъ-Прокуроровъ и другихъ Чинowników, по Высочайшему Повелѣнію учрежденному въ 1840 г. при II Отдѣленіи. Комитетъ обязанъ былъ: 1) Определить, вѣтъ ли въ мѣстныхъ постановленіяхъ Губерній Остзейскихъ чего-либо противнаго основнымъ Законамъ Имперіи и общему духу нашего Законодательства, 2) Разсмотрѣть, совершенно ли согласны сіи постановленія какъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, такъ и въ настоящемъ ихъ изложеніи, съ существующими утвержденными временемъ сношеніями Остзейскаго Края съ учрежденіями государственными, особенно же съ Правительствующимъ Сенатомъ и съ порядкомъ въ Сенатѣ, по дѣламъ сего рода наблюдаемомъ.

За симъ послѣдовала окончательная редакція проекта мѣстнаго Свода. Сводъ мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ, по утвержденному Его Императорскимъ Величествомъ предположенію, раздѣляется на пять частей: въ первой заключаются особенныя учрежденія нѣкоторыхъ властей и мѣстъ Губернскаго Управленія; во второй — Права состояній; въ третьей — Законы Гражданскіе; въ четвертой — Правила Судопроизводства Гражданскаго; въ пятой — Правила Судопроизводства Уголовнаго.

Первыя двѣ части Свода: Учрежденія и Законы о состояніяхъ, обнародованныя въ 1845 года, воспріяли полную силу и дѣйствіе Закона съ 1 Генваря текущаго года.

Первая часть раздѣлена на шесть книгъ. Книга первая содержитъ въ себѣ Общее Учрежденіе присутственныхъ мѣстъ Губерній Остзейскихъ. Книга вторая — Учрежденія Лифляндской Губерній. Книга третья — Учрежденія Эстляндской Губерній. Книга четвертая — Учрежденія Курляндской Губерній. Книга пятая — Учрежденія города Нарвы. Книга шестая — О надзорѣ за

производствомъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Вторая часть раздѣлена на три книги. Первая книга содержитъ въ себѣ постановленія о Дворянствѣ, вторая — о Духовенствѣ, третья — о Гражданахъ.

Мѣстное Право, въ видѣ обычаевъ, встрѣчается при первомъ появленіи Государствъ въ Исторіи. Но нигдѣ, кромѣ Россіи, оно не являлось въ столь обширномъ разнообразіи. Мѣстные Законы у Римлянъ употреблялись только *in subsidium* въ тѣхъ случаяхъ, на которые не было въ общемъ правѣ никакого законнаго опредѣленія. Они представляютъ въ своемъ развитіи особенный характеръ. Сначала Римляне не оставляли въ побѣжденных городахъ ихъ древнихъ обитателей, а брали ихъ въ Римъ, гдѣ они дѣлались Римлянами, а города населяли или солдатами или обитателями Рима, взятыми изъ послѣдняго класса народа для образованія колоній. Эта система развилась вполне. Побѣжденные города соединились съ Римомъ, получивъ права гражданства: одни, какъ Цере удостоились титула Римскихъ гражданъ, сохранивъ свой Сенатъ и свои Законы, *ut cum Caeretibus publice hospitium fieret*. Другіе принимались въ гражданство Римское, не имѣя права подавать голосъ въ комиціяхъ Рима. Наконецъ были такіе, коихъ жители имѣли право подавать голосовъ въ Римѣ, какъ Римляне. Право подаванія голосовъ постепенно пріобрѣталось многими изъ городовъ, которые прежде его не имѣли. Наконецъ, вся Италія послѣ войны съ союзниками и вскорѣ часть Южной Галліи, получили право Римскаго гражданства во всей его полнотѣ. Города, присвоившіе себѣ такимъ образомъ все права Римскаго гражданства, назывались *municipia*. Города же, не имѣвшіе права гражданства, сохраняли долгое время имена: *coloniae*, *praefecturae* и проч., полученныя ими при основаніи, но, на самомъ дѣлѣ, они совершенно походили на древнія муниципіи. Въ Италіи состояніе городовъ и побѣжденных земель было еще различнѣе.

Coloniae, однѣ Латинскія, другія Римскія, populi liberi, civitates faederatae, reges amici, provinciae выражали собою различный образъ ихъ существованія подъ владычествомъ Римлянъ и различныя степени ихъ зависимости. Эти различія постепенно исчезали. Прежде, чѣмъ давали городу полное право гражданства, его спрашивали, хотѣлъ ли онъ принять его. По его согласію или слѣдуя законному выраженію *ubi fundus ei legi factus erat*, пожалованіе имѣло мѣсто. Тогда отдѣляли права и обязанности муниципальныя отъ правъ и обязанностей политическихъ. Первыми пользовались обитатели города на мѣстѣ, а вторыми — только въ стѣнахъ Рима. Высшее управленіе въ каждой провинціи, находящейся внѣ Италіи, сосредоточивалось въ рукахъ посылаемаго ежегодно изъ Рима Претора, въ послѣдствіи Проконсула и Пропретора. Римскіе граждане, находившіеся въ провинціи, могли отъ приговоровъ его всегда апеллировать къ рѣшенію народнаго собранія въ Римѣ; прочіе жители провинціи, только по окончаніи срока его управленія, могли приносить жалобу Римскому Сенату. Покоренная страна сохраняла свои прежнія Законы, сколько это было совмѣстно съ новымъ ея отношеніемъ къ Риму и съ духомъ Римскаго правленія. Во времена Имперіи, когда народы, прежде бывшіе иностранцами для Рима, содѣлались его гражданами, Римскій элементъ слилъ въ себѣ, хотя внѣшнимъ образомъ, всѣ разнородныя національности. Императоръ сдѣлался представителемъ юридическаго единства и право Римское получило всемірное значеніе.

Въ Государствахъ Западныхъ, гдѣ есть провинціи, пользующіяся особыми мѣстными законами, отношенія этихъ законовъ къ общему праву опредѣляется различно, Въ Германіи, послѣ раздѣленія Имперіи въ 1806 г., подъ названіемъ «Общаго Права» разумѣлась совокупность какъ національныхъ, такъ равно и чужихъ вспомога-

тельныхъ правъ, имѣвшихъ равную силу и дѣйствіе во всѣхъ областяхъ Германской Имперіи. Но, кромѣ этого общаго для всей Имперіи Права, были еще мѣстныя Права отдѣльныхъ областей, статуты и обычаи городскихъ и другихъ общинъ, и притомъ эти мѣстныя Права имѣли преимущество предъ Общимъ Правомъ, которое примѣнялось только тамъ, гдѣ мѣстное не представляло никакого опредѣленія. Такое отношеніе Общаго Права къ мѣстному соблюдается еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ Германскихъ Государствахъ. Предѣлы отношенія мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ къ общимъ Законамъ Имперіи и мѣстный объемъ дѣйствія первыхъ опредѣлены въ первой части обозрѣваемаго Свода слѣдующими статьями (*):

Ст. I. Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ Самодержавной Власти исходящихъ. Законы въ Имперіи дѣйствуютъ или единообразно въ общей ихъ силѣ, или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ измѣненіями.

Ст. II. Сіи измѣненія въ общихъ законахъ именуется *узаконеніями мѣстными*. Заимствуя силу свою также, какъ и законы общіе, отъ единой Власти Самодержавной, сіи узаконенія простираются на тѣ только Губерніи и Области, коимъ они особенно предоставлены, и объемлютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, какъ изъятіе изъ общихъ правилъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе Общихъ Законовъ Имперіи сохраняетъ и въ сихъ Губерніяхъ и Облацияхъ полную свою силу.

Ст. III. Дѣйствующія въ Губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и въ городѣ Нарвѣ мѣстныя узаконенія, составляющія предметъ сего Свода, относятъ

(*) См. Св. мѣстн. узак. Губерній Остзейск. Ч. I. Введеніе.

ся: 1) къ особенному учрежденію нѣкоторыхъ властей и мѣстъ губернскаго управленія; 2) къ правамъ состояній; 3) къ законамъ гражданскимъ; 4) къ порядку судопроизводства гражданского; 5) къ порядку судопроизводства уголовного.

Допускаемыя въ Губерніяхъ Остзейскихъ и въ городѣ Нарвѣ изъятія изъ законовъ общихъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, о земскихъ повинностяхъ и разныхъ частяхъ казеннаго управленія, Государственнаго благоустройства и благочинія, означены по принадлежности въ Общемъ Сводѣ Законовъ Имперіи.

Положенія о крестьянахъ въ сихъ Губерніяхъ, Высочайше утвержденныя въ 1816, 1817 и 1819 годахъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими позднѣйшими узаконеніями, составляютъ предметъ особаго Свода.

Примѣч. 1. Подъ именемъ Лифляндской Губерніи разумѣется и островъ Эзель, составляющій съ принадлежащими къ оному нѣкоторыми другими островами одинъ изъ Уѣздовъ ея. Посему въ тѣхъ мѣстахъ Свода, гдѣ не упоминается въ особенности объ островѣ Эзелѣ, къ оному относится все сказанное о Губерніи Лифляндской.

Примѣч. 2. Городъ Нарва принадлежитъ къ составу Губерніи С. Петербургской, но имѣетъ свое особенное учрежденіе и свои мѣстные, въ составъ сего Свода входящіе законы. Оныя, въ случаѣ нужды, дополняются постановленіями, дѣйствующими въ Ревелѣ. Въ судебномъ отношеніи Нарва подчиняется Эстляндскому Оберъ-Ландгерихту.

Обозрѣніе началъ и постепеннаго развитія мѣстныхъ въ Остзейскомъ Краѣ учреждений служитъ введеніемъ къ I-й части Свода. Оно состоитъ изъ четырехъ раздѣловъ. Раздѣлъ I-й содержитъ въ себѣ Учрежденія Остзейскаго Края во время владычества Епископовъ и Ордена. Раздѣлъ II — Учрежденія Лифляндіи и острова Эзеля съ 1561 г. Раздѣлъ III — Учрежденія Эстляндіи

съ 1561 г. Раздѣлъ IV — Учрежденія Курляндіи и Пильтена съ 1561 г. Это введеніе было необходимо для того, чтобы понять, какимъ образомъ и подѣ вліяніемъ какихъ историческихъ данныхъ образовались настоящія мѣстные учрежденія Края. Въ обзорѣни же постепеннаго установленія правъ состояній въ Остзейскомъ Краѣ, составляющемъ введеніе ко II-й части Свода, изложены: въ Раздѣлѣ I-мъ: Права состояній во время владычества Епископовъ и Ордена; во II — Права состояній въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ съ 1561 г.; въ III — Права состояній въ Эстляндіи съ 1561 г., и наконецъ въ послѣднемъ или въ IV Раздѣлѣ — Обзорѣніе постепеннаго установленія правъ состояній въ Курляндіи и Пильтепѣ.

Общее, наконецъ, введеніе къ Своду мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ есть — Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства Губерній Остзейскихъ.

Вотъ содержаніе «этихъ свѣдѣній».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КРАТКОЕ ОЗНАЧЕНІЕ ПРОИСШЕСТВІЙ, ИМѢВШИХЪ
ВЛІЯНІЕ НА ХОДЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ ОСТЗЕЙ-
СКОМЪ КРАѢ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ перваго прибытія Германскихъ выходцевъ до раздѣленія Остзейскаго Края между сосѣдственными Державами (1158—1561 г.).

Первыя извѣстія о племенахъ, населявшихъ Остзейскій Край, мы находимъ у Тацита, Иорнанда и Вульфстана. Въ XII вѣкѣ, Эсты, Ливы, Летты, Куры или Куроны и Семигалы обитали въ нынѣшней Эстляндіи,

Лифляндіи и Курляндіи и съ того времени эта страна стала называться *Ливонією*. Всѣ сѣи племена жили отдѣльно, подраздѣлялись на многія вольныя общества и управлялись старшинами (*Seniores, Aelteste*). Всѣ обыватели пользовались личною свободою; военноплѣнные подвергались рабству. Совѣщанія по важнѣйшимъ дѣламъ происходили въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ дѣла рѣшались часто по жребію. Старшины жили въ укрѣпленныхъ замкахъ, служившихъ общимъ убѣжищемъ въ военное время; народъ въ селеніяхъ занимался земледѣіемъ, скотоводствомъ и нерѣдко разбоями на моряхъ. Вѣра была языческая.

Вѣроятно, съ IX столѣтія Эсты и другія племена содѣлались данниками Варяго-Русскаго Государства. Вся Ливонія платила дань Владиміру. Междоусобія дѣтей его возвратили ей независимость. Ярославъ въ 1030 г. покорилъ Чудь и основалъ *Юрьевъ* (нынѣшній Дерптъ). Съ тѣхъ поръ Эстонскія и Латышскія племена были въ зависимости отъ Князей Русскихъ, жившихъ въ Псковѣ, Новѣгородѣ и Полоцкѣ.

Въ 1158 г. Нѣмецкіе купцы, на пути изъ Бремена въ городъ Висби, узнали Остзейскій край, бывъ брошены туда бурей. Построивъ замокъ на мѣстѣ *Икескола* (Иксуль), они завели съ туземцами постоянныя торговля сношенія.

Вскорѣ, по духу тогдашняго времени, въ слѣдъ за купцами, явились и проповѣдники. Первый изъ нихъ, въ 1186 г., былъ Мейнгардъ, монахъ Августинскій. Владиміръ, Князь Полоцкій, далъ позволеніе ему обращать Ливонцевъ въ Христіанскую Вѣру. Мейнгардъ основалъ тамъ церкви и получилъ отъ Папы санъ Епископа.

Третій Епископъ *Альбертъ фонъ-Аппельдернъ* положилъ основаніе городу *Ригѣ* (1200 г.). Для утвержденія своей власти, онъ роздалъ завоеванныя земли Нѣмецкимъ *Крестоносцамъ*, въ видъ леновъ, и учредилъ новый

Рыцарскій Орденъ. Изъ поселившихся Германскихъ выходцевъ, съ обязанностію военной службы, образовалось въ послѣдствіи сословіе *вассаловъ* (Mannen, Vasallen).

Папа Иннокентій III, въ 1202 году, буллою предписалъ новому Ордену *Братьевъ войска Христова* или *Меченосцевъ* принять одежду и Уставъ Темплиеровъ. Орденъ долженъ былъ признавать верховную власть Рижскаго Епископа. Альбертъ опредѣлилъ на содержаніе Ордена $\frac{1}{3}$ земель какъ завоеваннымъ, такъ и имѣющихъ быть завоеванными; $\frac{2}{3}$ слѣдовали Церкви, т. е. Епископу.

Въ завоеванныхъ земляхъ, подъ зависимостію Рижскаго Епископства (съ 1255 г. Архіепископства), учреждены Епископства: 1) Леальское, соединенное сперва съ Дерптскимъ, а потомъ съ Эзельскимъ; 2) Дерптское; 3) Эзельское (въ Гапсалѣ); 4) Семигальское (въ Зельбургѣ), въ 1246 г. соединенное съ Епископствомъ Рижскимъ, и 5) Курляндское, въ Пильтенѣ.

Всѣ эти учрежденія утверждены Папами и Римскими Императорами, и съ того времени весь новообращенный край почитался достояніемъ Римской Каѳедры и частію Священной Римской Имперіи. Не только Архіепископъ, но въ послѣдствіи и Епископы Ливонскіе были признаваемы ленными Князьями Имперіи и Членами Имперскаго Сейма.

Альбертъ распространилъ завоеванія свои до Эстляндіи. Но неудачи противъ Эстовъ понудили его обратиться къ Королю Датскому Вольдемару II. Послѣдній, въ 1219 г., завладѣлъ большею частію Эстляндіи, основалъ Ревель, учредилъ тамъ Епископство, одѣливъ помѣстьями сопровождавшихъ его Нѣмцевъ и Датчанъ. По отбытіи его, Орденъ завладѣлъ всею Эстляндіею, которая и оставалась у него до 1238 года.

Во время *Николая*, преемника Альберта, послѣдовало (1237 г.) соединеніе Ордена Меченосцевъ съ Тевтоническимъ.

Папа Григорій IX утвердилъ это соединеніе буллою. Главныя условія его были: 1) чтобы Орденъ Тевтоническій вступилъ во владѣніе землями, принадлежащими Меченосцамъ; 2) чтобы въ Ливоніи онъ признавалъ себя вассаломъ мѣстныхъ Епископовъ; 3) чтобы часть Эстляндіи, которую Меченосцы отняли у Короля Датскаго, была возвращена Даніи.

По соединеніи двухъ Орденовъ, та часть Ливоніи, которая принадлежала Меченосцамъ, составила провинцію Тевтоническаго Ордена. Отрасль онаго въ Ливоніи получила одинаковое съ Тевтоническимъ въ Пруссіи устройство и признавала главою своею Гохмейстера и Главный Капитулъ. Мѣстное управленіе орденскими землями въ Ливоніи, также какъ и въ прочихъ провинціяхъ Ордена, предоставлено Провинціальному Магистру, Провинціальному Капитулу, Орденскимъ Командорамъ и Фохту.

Въ исходѣ XIII столѣтія, когда послѣднія племена язычниковъ приняли Вѣру Христіанскую и были совершенно покорены, начались несогласія между властями свѣтскою и духовною.

Примѣръ Пруссіи побуждалъ Рыцарей Ливонскихъ пріобрѣсти полную независимость, даже подчинить себѣ Епископовъ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ. Среди борьбы двухъ властей, возникла третья — *городскихъ общинъ*. И Орденъ и Епископы усердно приглашали иноземцевъ своихъ изъ Германіи къ поселенію въ новообращенномъ краѣ, даруя имъ разныя привилегіи; многіе прибыли и сами, привлекаемые выгодами торговли. Такъ возникли города, основанные большею частію выходцами изъ Нѣмецкихъ вольныхъ городовъ; они получили устройство, сообразное съ устройствомъ своихъ метрополій. Важнѣйшимъ между ими была Рига, возвысившаяся на степень перваго торговаго города на Восточномъ берегу Балтійскаго моря, и занимавшая почетное мѣсто

въ Ганзеатическомъ Союзѣ. Этимъ-то городомъ овладѣлъ Орденъ въ 1330 г. Сверхъ того въ 1347 г. онъ купилъ Датскую часть Эстляндіи у Короля Вольдемара III.

Между тѣмъ городъ Рига принималъ неоднократно сторону Архіепископа, и война съ Орденомъ продолжалась съ переменнымъ успѣхомъ. Въ это смутное время вассалы какъ Архіепископа, такъ и Ордена усилились и образовали отдѣльныя сословія, которыя получили голосъ въ дѣлахъ управленія. Такимъ же образомъ и города составили особое сословіе, которое приглашаемо было на такъ-называемые *Ландтаги* (собранія правительственныхъ лицъ), получившія тогда видимое вліяніе на общія дѣла края. Послѣ избранія *Вальтера фонъ-Плеттенберга*, согласіе между Орденомъ и Архіепископомъ Рижскимъ возстановилось. Всѣ силы Ливоніи обращены были на дѣла внѣшнія. Плеттенбергъ, досадуя на Великаго Князя Іоанна III за бѣдствія, претерпѣнныя Нѣмецкими купцами въ Новѣгородѣ, вступилъ съ войскомъ въ Псковскую Область и одержалъ надъ Русскими побѣду въ 10 верстахъ отъ Изборска. Но послѣ неудачной осады Пскова, Плеттенбергъ принужденъ былъ заключить перемиріе съ Россією, и съ того времени, въ теченіе почти 50 лѣтъ, она не имѣла съ Ливонією ни войны, ни твердаго мира, но состояла однакожь въ дружелюбныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

Между тѣмъ произошли важныя перемѣны въ положеніи Тевтоническаго Ордена въ Пруссіи. Въ 1525 г. Альбрехтъ, Маркграфъ Бранденбургскій, договоромъ въ Краковѣ, сложилъ съ себя званіе Гохмейстера и получилъ, съ достоинствомъ Герцога, всю Пруссію, въ видѣ наслѣдственнаго лена отъ Королевства Польскаго. Онъ принялъ Лютеранскую Вѣру и Реформація введена въ его владѣнія. Плеттенбергъ, возведенный въ 1527 г. въ санъ Князя Римской Имперіи, на общемъ собраніи земскихъ чиновъ въ Вольмарѣ провозглашенъ былъ *Про-*

текторомъ Ливоніи: Архіепископъ и всѣ Епископы Ливонскіе торжественно и единогласно подчинили себя его покровительству.

Въ это время (1522 — 1530) Лютеранское ученіе проникло въ Ригу; успѣхи его въ Ливоніи были быстры. За исключеніемъ Духовенства и братьевъ Ордена, почти всѣ жители оной — вассалы, граждане и крестьяне приняли новое ученіе. Трактатомъ, заключеннымъ городомъ съ Архіепископомъ Томасомъ Шенингомъ въ 1542 г., на сѣздѣ въ Лемзалѣ, Рига получила важныя привилегіи. Въ одно время съ Ригею обратились къ Реформаціи Ревель и Дерптъ, и тутъ новое ученіе имѣло послѣдствіемъ своимъ также подтвержденіе и распространеніе городскихъ правъ и привилегій.

Въ 1566 г. Архіепископство Рижское было уничтожено. Епископства: Ревельское, Эзельское и Курляндское, сдѣлавшіяся уже Протестантскими, еще прежде сего поступили во владѣніе Герцога Голштинскаго Магнуса, а Дерптское было занято Русскими войсками.

Война съ Россіею, начавшаяся въ 1558 г., довела Ливонію до послѣдней крайности: Русское войско огнемъ и мечемъ опустошило большую ея часть. Магистръ и Архіепископъ рѣшили не покоряться Іоанну, и заключили въ Вильнѣ съ Сигизмундомъ Августомъ договоры, такъ-называемые для защиты Ливоніи (*pro defensione Livoniae*), первый 31 Августа, вторый 15 Сентября 1559 года, въ которыхъ они предавали себя Королю, съ сохраненіемъ верховнаго обладанія Римской Имперіи, и въ залогъ своей вѣрности отдавали Королю: Магистръ, на лѣвой сторонѣ Двины, шесть замковъ (въ томъ числѣ Динабургъ), а Архіепископъ два: Ленварденъ и Маріенгаузенъ, на правой сторонѣ рѣки. Король обѣщался защитить Ливонію отъ нападеній Московскаго Князя.

Война возобновилась. Русскіе громили всю землю отъ Псковскаго озера до Рижскаго залива. Паденіе Орде-

на являлось неизбѣжнымъ, и въ несчастномъ его положеніи сосѣдственныя Державы начали помышлять не о помощи Ливоніи, а о присоединеніи къ своимъ владѣніямъ, если не всего края, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей его.

Первымъ искателемъ земель Ливонскихъ былъ Датскій Король Фридрихъ II, который, желая вознаградить своего брата Герцога Магнуса за уступленный имъ удѣлъ въ Голштиніи, купилъ для него Епископства Эзельское и Курляндское (въ Пильтенѣ); къ нимъ въ послѣдствіи Герцогъ присоединилъ титулъ Епископа Ревельскаго и купленныя у Епископа Врангеля имѣнія Ревельской Епископской каѳедры.

Послѣ Даніи, старался присвоить себѣ часть Ливоніи Шведскій Король Эрикъ XIV: онъ предложилъ чинамъ Эстоніи и Ревелю объявить себя подданными Швеціи, и обѣщалъ имъ утвержденіе ихъ привилегій и защиту отъ непріятелей. Земское Рыцарство и городъ присягнули въ вѣрности Королю Шведскому въ Іюнѣ 1561 года. Договоръ объ этомъ присоединеніи утвержденъ былъ Королевскою грамотою въ Норчепингѣ 2 Августа. Главнѣйшіе ея пункты для Рыцарства суть: 1) сохраненіе Лютеранскаго вѣроисповѣданія; 2) подтвержденіе прежнихъ привилегій и правъ въ томъ видѣ, какъ оныя издавна даны были отъ Королей, Гохмейстеровъ и Магистровъ; 3) подтвержденіе правъ владѣнія имѣніями, съ предоставленіемъ владѣльцамъ права уголовного суда въ ихъ предѣлахъ; 4) защита противъ Магистра, отъ коего они отложились, и огражденіе отъ притязаній Короля Датскаго и Императора Римскаго въ случаѣ, если бы они хотѣли сохранить свое древнее левное на Эстонію право. Городу Ревелю дана особая грамота, которая, сверхъ сихъ четырехъ пунктовъ, даруетъ ему еще особыя преимущества, какъ-то: предоставленіе городу поль-

зоваться правами Ганзейскими и т. п. По вступленіи Шведскаго войска въ Ревель, Эрикъ предложилъ Іоанну миръ, на который Царь согласился.

Къ раздѣленію и приобрѣтенію Ливоніи всего болѣе стремилась Польша. Отъ Сигизмунда Августа явился, въ Сентябрѣ 1561 г., въ Ригу, Князь Радзивилъ, Воевода Виленскій, Маршалъ и Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго. Онъ предложилъ сословіямъ подчиниться Литвѣ, обѣщая имъ значительныя отъ сего соединенія выгоды, съ подтвержденіемъ всѣхъ ихъ прежнихъ правъ и привилегій. Болѣе всего противился ему г. Рига. Радзивилъ обѣщалъ все и выдалъ, 8 Сентября 1561 г., городу, именемъ Короля, такъ-называемое первое удостовѣреніе (*Cautio prima Radziviliana*).

Для полученія увѣренности въ намѣреніяхъ Короля Польскаго, чины Ливонскіе отправили своихъ депутатовъ въ Вильну. Здѣсь, послѣ многихъ переговоровъ, судьба Ливоніи рѣшена была окончательно постановленіемъ договора о подданствѣ (*Pacta subjectionis*), 28 Ноября 1561 г. Сей актъ утвержденъ присягою Короля, Магистра, сановниковъ Ордена, вассаловъ и представителей городовъ, кромѣ Риги.

Въ тотъ же день (28 Ноября) Король обнародовалъ достопамятную грамоту, извѣстную подъ именемъ *Привилегіи Сигизмунда Августа*; она служила въ послѣдствіи главнымъ основаніемъ всѣхъ правъ и привилегій Лифляндіи и Курляндіи. Сія привилегія состоитъ изъ XXVII статей. Важнѣйшія суть:

Ст. I—III. Свобода Вѣры по Аугсбургскому исповѣданію ненарушима. Приняты будутъ мѣры къ устройству церквей и богоугодныхъ заведеній.

Ст. IV. Сохраняются судъ и управленіе по законамъ и обычаямъ Германскимъ, и будетъ составляться кодексъ мѣстныхъ законовъ.

Ст. V. Король учредить чины, должности и староства, и будетъ ими жаловать коренныхъ мѣстныхъ жителей, владѣющихъ недвижимыми имѣніями.

Ст. VI. Въ Ригѣ быть Главному Суду. Члены его избираются Дворянствомъ изъ коренныхъ мѣстныхъ жителей, съ утвержденія Короля. Жалобы на его рѣшенія приносятся въ Королевскій Трибуналъ.

Ст. VIII. Подтверждается право заключать союзы о взаимномъ наслѣдованіи ленныхъ имѣній (*jus simultaneae investiturae s. conjunctae manus*).

Ст. IX. Дворяне Ливонскіе пользуются всѣми правами, предоставленными Дворянамъ Польскимъ.

Ст. XXVI. Дворянамъ Ливонскимъ предоставляется право уголовного и гражданскаго суда надъ ихъ крестьянами.

Рыцарство Архіепископства Рижскаго получило, 4 Марта 1562 г., отъ Радзивила, особую удостовѣрительную грамоту. Главнѣйшія статьи сей грамоты, сходной почти во всемъ съ привилегією Сигизмунда Августа, суть:

1) Подданные Архіепископства имѣютъ свободу Вѣры и Богослуженія, по Аугсбургскому исповѣданію.

2) Монастыри будутъ обращены въ учебныя и благотворительныя заведенія.

3) Капитулъ, Совѣтники и Дворянство останутся при данной ими Архіепископу присягѣ, поколику она можетъ согласоваться съ присягою Королю, и сохраняютъ право избирать Архіепископа.

5) Всѣмъ обывателямъ подтверждаются всѣ ихъ привилегіи, обычаи, статуты, суды, владѣніе имѣніями.

За тѣмъ, 5 Марта, Кетлеръ, на общемъ собраніи чиновъ, сложилъ съ себя званіе Магистра. Рыцарство земель Орденскихъ и Архіепископскихъ и малые города присягнули Королю; Радзивилъ прочелъ дипломъ о возведеніи Кетлера въ санъ Герцога Курляндскаго; въ слѣдъ за тѣмъ Рыцарство Курляндское и Семигальское присяг-

нуло на вѣрность ему; на другой день Кетлеръ объявленъ Правителемъ Лифляндіи.

Рига же присягнула только тогда, когда Радзивилъ далъ ей новую удостовѣрительную грамоту (*Cautis altera Radziviliana*, 17 Марта 1562 г.), которою, сверхъ утвержденія всѣхъ древнихъ правъ и привилегій, обезпечивалась городу Ригѣ независимость, въ случаѣ, если бы Польскій Сеймъ не утвердилъ условій, или же оказалось невозможнымъ Ригѣ соединиться въ одно время съ Польшею и Литвою, а равно и въ томъ случаѣ, если Король умретъ не оставивъ потомства.

Такимъ образомъ древняя Ливонія раздѣлилась на пять частей: 1) Нарва, Дерптъ, части земель Ервенской и Вирландской, и всѣ мѣста, сосѣдственныя съ Россіею были тогда подъ властію Іоанна; 2) Швеція пріобрѣла Гарріенъ, Ревель и половину Вирландіи; 3) Магнусъ Голштинскій владѣлъ остальною Эстляндіею, Пильтеномъ и Эзелемъ; 4) Кетлеръ — Курляндіею и Семигаліею; 5) Сигизмундъ — Южною Ливоніею съ городомъ Ригою, до нѣкоторой степени независимымъ.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Обозрѣніе политическихъ происшествій отъ времени паденія Ордена до присоединенія Остзейскаго Края къ Россіи.

ГЛАВА I.

Обозрѣніе происшествій въ Лифляндіи во время Польскаго и потомъ Шведскаго обладанія.

Сигизмундъ Августъ, немедленно по заключеніи договора о подданствѣ, требовалъ отъ Царя Іоанна Васильевича, чтобы онъ вывелъ войска свои изъ Ливоніи. Царь отвѣчалъ ему: что, «забывъ условія предковъ и

собственную присягу, онъ вступается въ достояніе Россіи, что Ливонія наша была и будетъ». Обѣ Державы, прекративъ безполезные договоры, привялись за оружіе. Началась война упорная, съ перемѣнными успѣхами и неизмѣнною жестокостію. Въ ней отъ времени до времени принимали участіе Швеція и Данія. Нѣсколько разъ воюющія Державы заключали перемирія и потомъ снова брались за оружія. Такимъ образомъ Ливонія была терзаема бѣдствіями войны долговременной.

Сначала, на основаніи договора о подданствѣ, управлялъ Лифляндіею Готгардъ Кетлеръ въ званіи Администратора. Вскорѣ мѣсто его заступилъ Гетманъ Ходкевичъ. Съ назначеніемъ Ходкевича Штатъ-Гальтеромъ, и самая тѣнь какой-то отдѣльности и независимости исчезла: Лифляндія была присоединена къ Великому Княжеству Литовскому, на основаніи особеннаго утвержденнаго Королемъ акта между Чинами Ливоніи и Литвы въ Гроднѣ 25 Дек. 1566 г. Вскорѣ потомъ, въ 1569 г., Лифляндія, на основаніи Сеймоваго постановленія въ Люблинѣ, вмѣстѣ съ Литвою присоединена къ Польшѣ. При семъ Лифляндцы получили отъ Короля особую грамоту, подтверждающую всѣ ихъ прежнія привилегіи.

Договоромъ Запольскимъ, въ 1582 г., Іоаннъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Лифляндію и призналъ ее Польскою областію. Баторій даровалъ Ригѣ въ Дрогичинѣ (1581 г.) грамоту: *Corpus Privilegiorum Stephaneum*, подтвержденную на Сеймѣ въ Варшавѣ, 16 Ноября 1582 г. Грамота эта служила во все время Польскаго обладанія основаніемъ какъ учрежденій города, такъ и правъ состоянія гражданъ.

Утвердивъ и распространивъ привилегіи города Риги, Баторій обратился къ устройству всей Лифляндіи. Онъ раздѣлилъ въ 1582 г. весь край на Воеводства (Палатинаты), учредилъ судебныя мѣста по образцу

Польскихъ, подчинилъ ихъ Королевскому Трибуналу въ Люблинѣ, и назначилъ въ Венденѣ особаго Римско-католическаго Епископа, которому пожаловалъ большія маестности, и далъ первое мѣсто въ судебномъ Конвентѣ Лифляндскомъ. Въ то же время почти всѣ важнѣйшія должности были заняты Поляками и Литовцами, а разсмотрѣніе представленнаго Рыцарствомъ Свода мѣстныхъ узаконеній отложено до удобнѣйшаго времени.

Сигизмундъ III покровительствовалъ Ригѣ и подтвердилъ всѣ ея привилегіи, а равно и привилегіи Дерпта и другихъ городовъ, которые всѣ вообще были притѣсняемы менѣе, нежели Дворянство. Недоброжелательство Сигизмунда III къ Лифляндскому Дворянству очень ясно обнаружилось въ Сеймовомъ постановленіи 1589 г. (*Ordinatio Livoniae*), коимъ опредѣлено раздавать всѣ староства и высшія должности Полякамъ и Литовцамъ, и ввести новые, чуждые краю законы, въ замѣнъ древнихъ правъ и обычаевъ.

Между тѣмъ Шведскіе Государственные Чины объявили Сигизмунда лишеннымъ Шведскаго престола, и поручили управленіе дядѣ его, Герцогу Карлу Зюдерманландскому; за симъ возгорѣлась война, и театромъ оной сдѣлалась Лифляндія. Дворянство Лифляндское держалось большею частію стороны Шведовъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда вступилъ на престолъ Густавъ Адольфъ (1611 г.) и далъ военнымъ дѣйствіямъ болѣе быстроты и силы. Густавъ Адольфъ кончилъ войну съ Россіею выгоднымъ для Швеціи миромъ (1617) въ Столбовѣ. По оному Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, между прочимъ, отказался отъ Лифляндіи, и исключилъ оную изъ своихъ титуловъ; сіе условіе подтверждено и при заключеніи въ слѣдующемъ году мира съ Польшею. Лифляндія оставалась главнымъ мѣстомъ борьбы между Поляками и Шведами. Рига покорилась въ 1621 г. Швеціи на особенныхъ условіяхъ. Густавъ Адольфъ,

особою грамотою 25 Сент. того же года, подтвердилъ все ея права и привилегіи.

Сигизмундъ III, Альтмаркскимъ трактатомъ уступилъ Лифляндію Швеціи, до заключенія окончательнаго мира. Густавъ Адольфъ старался привести въ устройство Лифляндію. Судебная часть и управленіе церквами и училищами приведены имъ въ порядокъ; въ 1632 г. основанъ Университетъ въ Дерптѣ. Въ семъ духѣ продолжало дѣйствовать Шведское Правительство въ первыя сорокъ лѣтъ обладанія Ливоніею. Хотя Генералъ-Губернаторы были назначаемы всегда почти изъ Шведовъ, многія установленія учреждались по образцу Шведскихъ, и большая часть казенныхъ многочисленныхъ въ Лифляндіи имѣній раздавались Шведамъ; но въ то же время древнее установленіе Ландратовъ восстановлено; права Рыцарства на занятія должностей по мѣстному управленію края признаны и дано соизволеніе на учрежденіе матрикулъ. Хотя представленный Рыцарствомъ проектъ Свода мѣстныхъ узаконеній не утвержденъ, но судамъ, только за недостаткомъ мѣстныхъ постановленій, позволено руководствоваться законами Шведскими.

Со вступленіемъ на престолъ Карла Густава (1654), спокойствіе Лифляндіи снова было возмущено войною Швеціи со всеми сосѣдственными Державами, преимущественно съ Поляками и Русскими.

Миромъ Оливскимъ 1660 г. Польша уступила Лифляндію Швеціи, оставивъ за собою такъ-называемую Польскую Лифляндію, которою она владѣла съ 1557 г. Россія договоромъ въ Карлисѣ (1660 г.), признала всю Лифляндію достояніемъ Швеціи.

Съ 1680 г. насталъ для Лифляндіи тридцать лѣтъ продолжавшійся періодъ бѣдствій, несправедливости и угнетенія, отъ коихъ сей край избавленъ Петромъ

Великимъ. Въ 1694 г. Карлъ XI объявилъ объ отмѣнѣ всѣхъ земскихъ учрежденій и о введеніи въ Лифляндію законодательства Шведскаго. Съ сего времени Шведскіе Генералъ-Губернаторы дѣйствовали съ неограниченною властію. Не менѣе трехъ четвертей всѣхъ недвижимыхъ имѣній Дворянства отобрано въ казну по распоряженіямъ Редукціонной Коммиссіи, и фамиліямъ оставлено лишь, въ видѣ милости, или полученіе доходовъ съ отнятыхъ имѣній ихъ, безъ платежа или съ платежемъ за то аренды, или же только третья часть сихъ доходовъ. Таково было положеніе Лифляндіи, когда возгорѣлась большая Сѣверная война.

Г л а в а II.

Обозрѣніе политическихъ происшествій на островѣ Эзелѣ съ 1561 по 1721 г.

Въ 1559 г. Король Датскій купилъ у Епископа Іоанна Епископство Эзельское съ Вискимъ Округомъ и отдалъ ихъ брату своему Герцогу Магнусу. Еще при жизни Герцога Король даровалъ Рыцарству Эзельскому подтвержденіе всѣхъ его правъ и привилегій, что было дѣлаемо и въ послѣдствіи преемниками его на Датскомъ престолѣ. Магнусъ, въ качествѣ Епископа, даровалъ Аренсбургу городское право и утвердилъ привилегіи Рыцарства.

Война, опустошавшая во второй половинѣ XVI вѣка всѣ нынѣшнія Остзейскія Губерніи, не пощадила и Эзеля. Шведы неоднократно разоряли эту провинцію.

Герцогъ Голштинскій, лишась всякой надежды успѣха въ своихъ предпріятіяхъ на Лифляндію, отдалъ себя и свое Епископство Пильтенъ подъ покровительство Литвы и, кажется, не имѣлъ уже вліянія на Эзель. Возобновленнымъ въ 1580 г. Штетинскимъ трактатомъ, Швеція признала Эзель достояніемъ Даніи, которая и

владѣла имъ въ теченіе 30 лѣтъ спокойно. Въ 1612 г. Шведы опустошили часть этой провинціи, но въ 1613 г. отказались отъ своихъ притязаній. Черезъ 30 лѣтъ послѣ того возгорѣлась опять война, и мирнымъ трактатомъ въ Бремзебрѣ 13 Августа 1645 г. Данія должна была отдать Эзель съ Аренсбургомъ Швеціи.

На Эзелѣ менѣе руководствовались правилами Шведскихъ законовъ, нежели въ Лифляндіи: потому что во время спокойнаго управленія Датскаго, устройство и состояніе сего края достигли высшей степени развитія. Но и для сего острова, такъ же какъ для Лифляндіи, 1680 г. былъ эпохою плачевной въ судьбѣ его перемѣны. И здѣсь Редукція дѣйствовала съ такою же часто несправедливостію, налоги возвышались и учрежденія судебныя преобразованы. Эзель былъ владѣніемъ Шведскимъ до самаго окончанія большой Сѣверной войны.

Г л а в а III.

ОБЗРѢНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ
Эстляндіи во время Шведскаго обладанія
(1561—1710).

Побѣды Русскихъ и упадокъ Ордена принудили городъ Ревель и Рыцарство трехъ Округовъ: Гарріенъ, Вирландъ и Эрвенъ отдаться въ подданство Шведскаго Короля Эрика XIV. Въ слѣдствіе заключенныхъ одно за другимъ перемирій, Эстляндія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не была тревожима Русскими, но съ Польшею и Даніею война продолжалась. Въ 1570 г., когда съ Русскими началась опять война, Магнусъ Голштинскій требовалъ, чтобы Рыцарство и городъ Ревель покорились ему. Требованія его были отвергнуты, и война продолжалась.

По договору о перемиріи въ 1583 г.. Россія отдала Королю Іоанну III всю часть Эстляндіи, которою она

владѣла въ теченіе 20 лѣтъ. Во время войны Герцога Карла съ племянникомъ его Сигизмундомъ, когда этотъ послѣдній грамотою отъ 12 Марта 1600 г. объявилъ Эстляндію навсегда присоединенною къ Польшѣ, а Карлъ самъ явился въ сію провинцію, то Дворянство и народъ присягнули ему, а онъ подтвердилъ всѣ ихъ права и привилегіи, что въ послѣдствіи повторяли и всѣ его преемники.

Эстляндія отъ половины до конца XVI столѣтія подвергалась почти безпрестанно дѣйствіямъ войны. XVII же вѣкъ, не смотря на вторженія непріятелей въ сію область, былъ для Эстляндіи гораздо спокойнѣе прежнихъ временъ.

Редукція, начавшаяся здѣсь съ 1685 г., была нѣкоторымъ образомъ смягчаема раздачею аренды и представленіемъ части доходовъ владѣльцамъ отобранныхъ въ казну имѣній. Не смотря на то, Редукція имѣла гибельное вліяніе и на Эстляндію: ей сопутствовали и здѣсь непомѣрное возвышеніе налоговъ, произвольныя дѣйствія всякаго рода и измѣненія въ законодательствѣ.

Г л а в а IV.

ОБОЗРѢНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ ГЕРЦОГСТВѢ КУРЛЯНДСКОМЪ (1561—1795).

Готгардъ Кетлеръ подтвердилъ всѣ права и привилегіи Дворянства и прочихъ состояній въ Курляндіи, 17 Марта 1562 г.; сверхъ того онъ даровалъ Дворянству особенную грамоту «Privilegium Gothardinum», 20 Юня 1570 года.

На основаніи сихъ грамотъ и постановленій Ландтаговъ, образовалось внутреннее устройство сего края. Готгардъ, по смерти своей, предоставилъ обоимъ сыновьямъ своимъ, Фридриху и Вильгельму, управленіе

Герцогствомъ. Это повело къ раздорамъ между Герцогами и Дворянствомъ.

Эти раздоры наполняютъ весь конецъ XVI и начало XVII вѣка. Дошло до того, что Польское Правительство въ 1616 г. нарядило Коммиссію. Коммиссія объявила Вильгельма лишеннымъ правъ своихъ и ввѣрила управленіе Фридриху; другая Коммиссія въ слѣдующемъ году издала, по предложенію Дворянства, два положенія: *Формулу Управленія* (Formula Regiminis) и *Статуты*, которые, вмѣстѣ съ грамотами, состоявшимися при поступленіи края въ подданство Польши, и съ привилегією Готгарда, составляютъ главное основаніе Государственного и Частнаго Права Курляндіи.

По смерти Фридриха, вступилъ на престолъ племянникъ его Іаковъ. Правленіе его (1642 — 1681) было мудрое и благотѣльное для Курляндіи. Онъ имѣлъ нѣсколько фрегатовъ, и владѣлъ, впрочемъ не долго, островомъ Табаго и частію Гвиней.

Послѣ кончины Іакова и сына его Фридриха Казимира (1698 г.), опека надъ несовершеннолѣтнимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ была ввѣрена дядѣ его Фердинанду. Курляндія, во время его правленія, бѣдствовала отъ большой Сѣверной войны. По достиженіи совершеннолѣтія, Фридрихъ Вильгельмъ сочетался бракомъ съ Анною Іоанновною; но на возвратномъ пути изъ Петербурга занемогъ и умеръ 1711 года.

Герцогъ Фердинандъ снова принялъ правленіе. Со смертію его (1737 г.) пресѣлся родъ Кетлера. Графъ Іоаннъ Эрнстъ-Биронъ избранъ въ Герцогское достоинство Дворянствомъ Курляндскимъ, на основаніи нѣкоторыхъ условій; сей выборъ утвержденъ Королемъ и Сеймомъ Польскимъ. Въ 1740 г. Биронъ былъ удаленъ изъ С. Петербурга, а для Курляндіи въ теченіе 20 лѣтъ было какъ бы междоцарствіе. Въ 1762 г. возведенъ въ

Герцогскій санъ Саксонскій Принцъ Карлъ. Но онъ не долго въ ономъ оставался: возвращенный изъ ссылки Биронъ принялъ правленіе.

При сынѣ его Петрѣ, принявшемъ правленіе Курляндіею въ 1769 г., споры между имъ и Дворянствомъ дали поводъ къ составленію «актовъ соглашенія» (Compositions-Acten). Ими опредѣлены права Герцога, Старшихъ Совѣтниковъ и Дворянства.

Императрица Екатерина II, снисходя на просьбы Курляндскаго Дворянства, удостоила своего ручательства актъ соглашенія 21 Февраля 1793 года.

ГЛАВА V.

ОБЗРѢНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ Пильтенѣ (1561—1795 г.).

При раздробленіи Орденскихъ и Епископскихъ владѣній въ 1561 г., Епископство Курляндское или Пильтенское досталось Герцогу Голштинскому Магнусу. Въ 1579 г. Магнусъ предалъ себя и свое Епископство покровительству Стефана Баторія.

По смерти Магнуса, возникъ о Пильтенѣ споръ между Даніею и Польшею. На основаніи договора Кроненбургскаго 1583 г., Пильтенъ достался Польшѣ, при чемъ она заплатила Даніи 30,000 талеровъ.

Въ 1656 г. Герцогъ Курляндскій Іаковъ выкупилъ Пильтенъ. Съ того времени онъ не отдѣлялся отъ Герцогства Курляндскаго; въ 1717 же году Польское Правительство произвольно лишило Герцога Фердинанда правъ его на Пильтенъ. Въ 1727 и потомъ снова въ 1791 г. Польское Правительство хотѣло безусловно присоединить къ Польшѣ Пильтенскій Округъ, но Дворъ Россійскій этому воспрепятствовалъ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Присоединеніе Остзейскаго Края къ Россіи.

ГЛАВА I.

ОБЗРѢНІЕ СОБЫТІЙ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЛИФЛЯНДІИ,
ЭСТЛЯНДІИ И ОСТРОВА ЭЗЕЛЯ ВЪ РОССІЙСКОЕ
ПОДДАНСТВО.

Съ самаго начала большой Сѣверной войны, Лифляндія и Эстляндія были непрестаннымъ ея поприщемъ.

Сперва вторглись въ сіи земли Саксонскія войска, стараясь, но тщетно, овладѣть Ригою. Потомъ вступили Русскіе; они въ 1704 г. заняли Дерптъ; права и привилегіи онаго были обезпечены капитуляціею.

Русскія войска вскорѣ распространили завоеванія свои до границъ Курляндіи, хотя и не успѣли вытѣснить Шведскіе отряды изъ городовъ и мѣстъ укрѣпленныхъ; побѣда подъ Полтавою имѣла послѣдствіемъ занятіе незавоеванной еще части Лифляндіи и Эстляндіи.

Черезъ десять лѣтъ послѣ принятія Лифляндіи и Эстляндіи въ подданство Россіи, заключенъ 1721 г. 30 Августа *Ништадтскій* миръ, коимъ Швеція уступила Россіи всѣ права свои на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, съ тѣмъ, чтобы Россія предоставила жителямъ свободное исповѣданіе Лютеранской Вѣры, привилегіи, права и обычаи, коими она пользовалась подъ Шведскимъ правленіемъ (хотя мы выше видѣли, что Шведское Правительство на самомъ дѣлѣ нарушало эти права и привилегіи).

ГЛАВА II.

ОЗНАЧЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ АКТОВЪ, СОСТОЯВШИХСЯ
ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЛИФЛЯНДІИ, ЭСТЛЯНДІИ И ОСТРОВА
ЭЗЕЛЯ ВЪ РОССІЙСКОЕ ПОДДАНСТВО.

Поступленіе Лифляндіи и Эстляндіи въ Россійское подданство совершилось, сообразно съ изданными отъ

Россійскаго Правительства универсалами, по капитуляціямъ и аккорднымъ или договорнымъ пунктамъ, заключеннымъ съ Рыцарствомъ Края и Депутатами городовъ. Сіи акты заключаютъ въ себѣ все главные основанія мѣстныхъ узаконеній, донынѣ дѣйствующихъ въ Лифляндской и Эстляндской Губерніяхъ.

I. Универсалы и капитуляціи.

Въ универсалѣ или воззваніи къ жителямъ Эстляндіи сказано, что Государь «не только намѣренъ оставить безъ всякаго нововведенія во всей землѣ и городахъ исповѣдуемую донынѣ Евангелическую Вѣру, и все ихъ древнія привилегіи, вольности, права и преимущества, (которыя, какъ всему міру извѣстно, въ Шведское время всегда нарушаемы были), по точному ихъ смыслу и понятію свято хранить и содержать, но и обѣщаетъ при случаѣ умножить оныя еще обширнѣйшими и важнѣйшими».

Капитуляціи заключены съ городами Ригою, Перновомъ и Ревелемъ, какъ крѣпостями Шведскими, и потому не все пункты сихъ капитуляцій имѣли предметомъ подтвержденія правъ жителей; большая часть изъ нихъ относилась къ условіямъ о сдачѣ крѣпостей, къ дозволенію оставить городъ, выѣхать изъ области и подобнымъ тому временнымъ распоряженіямъ.

Въ *капитуляціи Риги* только въ четырнадцать пунктахъ упоминается объ охраненіи правъ состоянія. Изъ нихъ четыре (33, 36, 39 и 53) подтверждаются Дворянству древнія права его, вотчины, суды, свободное отправленіе Вѣры Лютеранской, сохраненіе Нѣмецкихъ обычаевъ и языка въ судахъ и канцеляріяхъ, и обезпечивается владѣніе заставами и арендами. Въ десяти (45, 46, 48, 50, 52 — 57) обѣщано гражданамъ свободное отправленіе Вѣры, подтвержденіе древнихъ привилегій,

судовъ, Магистрата, обезпеченіе торговли, градскихъ доходовъ и т. п.

Капитуляція Пернова содержитъ въ себѣ семнадцать пунктовъ, относящихся къ правамъ и преимуществамъ жителей; изъ нихъ въ девяти (18—27) говорится объ охраненіи Аугсбургскаго исповѣданія, подтверждаются права Дворянства и земства и порядокъ судопроизводства, освобождаются дворянскіе дома въ городахъ отъ постоя, и т. п.; восемь пунктовъ (27—34) имѣютъ предметомъ подтвержденіе правъ гражданъ.

Въ *Ревельской капитуляціи* тринадцать пунктовъ относятся къ обезпеченію правъ и привилегій; въ нихъ не говорится особо о правахъ Дворянства или города. Въ девяти (12—20) обѣщается свободное Богослуженіе Аугсбургскому вѣроисповѣданію, сохраненіе духовныхъ учрежденій, имуществъ церквей и пасторовъ.

По прочимъ четыремъ пунктамъ, военные и гражданскіе служители, владѣющіе домами въ городѣ, освобождаются отъ постоя, караула, поставки подводъ и проч. (п. 21); сохраняются въ своей силѣ облигаціи, закладныя, иммісія и т. п. (п. 22); подтверждаются права и привилегіи гражданъ, живущихъ въ Вышгородѣ (п. 24); обѣщается опредѣлить въ Губернаторы Эстляндскіе Чинovníка, знающаго языкъ Нѣмецкій, и сохранить Нѣмецкую Канцелярію (п. 26).

II. Аккордные пункты и договорныя статьи.

1) Аккордные пункты, заключенные между Шляхетствомъ и Земствомъ Княжества Лифляндскаго и Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ-Шереметевымъ 1710 Іюля 4; они раздѣлены на 30 статей и сверхъ того въ такъ-называемомъ *придаткѣ* еще 3 статьи.

2) Рѣшенія Государя Петра I, на представленные на волю Его Величества пункты Дворянства и жителей

Лифляндскихъ при покореніи ихъ Россійской Державѣ, 1710 г. Октября 12.

Между этими рѣшеніями замѣчательнъ 4 пунктъ. Имъ разрѣшено при Университетѣ въ Лифляндіи (бывшемъ тогда въ Перновѣ) имѣть искусныхъ Профессоровъ Лютеранскаго закона съ тѣмъ, чтобы при Университетѣ опредѣлить Профессора Славянскаго языка.

3) Договорныя статьи, предложенныя депутатами города Риги 1700 г. Іюля 4; 22 статьи.

4) Рѣшенія Государя Петра I на представленныя на волю Его Величества при сдачѣ города Риги пункты, 1810 г. Октября 12.

5) Договорныя пункты между Шляхетствомъ и земствомъ Герцогства Эстляндскаго и Генералъ-Поручикомъ-Бауеромъ, 1710 г. Сентября 29; 41 статья.

6) Договоръ, заключенный депутатами города Ревеля съ Генералъ-Поручикомъ Бауэромъ, 1710 г. Сентября 29; 33 статьи.

Сіи акты, хотя во многихъ статьяхъ совершенно сходны между собою, однакожь въ иномъ и различествуютъ. Каждая провинція, каждый городъ получили отдѣльно свои договорныя пункты, и въ дѣлахъ никогда не ссылаются на пункты другой провинціи или другаго города, если тѣ пункты именно не распространены и на нихъ.

Г л а в а III.

ПОДТВЕРЖДЕНІЕ АКТОВЪ О ПРИСОЕДИНЕНІИ ЛИФЛЯНДІИ, ЭСТЛЯНДІИ И ОСТРОВА ЭЗЕЛЯ КЪ РОССІИ.

Акты о присоединеніи Лифляндіи, Эстляндіи и острова Эзеля къ Россіи подтверждены: I. Жалованными грамотами Петра Великаго. II. Ништадтскимъ миромъ. III. Жалованными грамотами преемниковъ Петра Великаго.

I. *Жалованныя грамоты Петра Великаго.*

По принятіи жителями Остзейскаго Края подданства Россійскаго, Петръ Великій пожаловалъ особыя грамоты: 1) *Лифляндскому Дворянству*; 2) *городу Ригь*; 3) *Эстляндскому Дворянству*; 4) *городу Ревелю*.

Въ жалованной Лифляндскому Дворянству грамотѣ 30 Сентября 1710 г., служащей основаніемъ всѣхъ состоявшихся въ послѣдствіи жалованныхъ грамотъ, изображено: «Чрезъ сіе вѣрному нашему Рыцарству и Земству и ихъ наслѣдникамъ всѣ ихъ напередъ сего благопріобрѣтенныя привилегіи, съ которыми намъ уже поддались, и особливо привилегію Сигизмунда Августа, данную въ Вильнѣ, 1561 г., статуты, рыцарскія права, вольности, принадлежности (*елико оныя къ нынѣшнему Правительству приличаются*), праведныя владѣнія и собственности, какъ тѣ, которыми они дѣйствительно владѣютъ и пользуются, такъ и тѣ, на которыя они отъ своихъ предковъ по своимъ правамъ и принадлежностямъ притязаніе имѣютъ, за Насъ и за Нашихъ законныхъ наслѣдниковъ, симъ и силою сего Милостивѣйше подтверждаемъ и укрѣпляемъ и обѣщаемъ, что они и ихъ наслѣдники какъ прямо и справедливо есть при всемъ томъ совершенно и непрестанно содержаны и охранены будутъ; *однакожь Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда*».

Грамоты, жалованныя Эстляндскому Дворянству и городамъ Ригѣ и Ревелю, не только въ основаніяхъ, но и въ самыхъ выраженіяхъ своихъ сходны съ грамотою, данною Лифляндскому Дворянству, только не заключаютъ въ себѣ ограниченій.

II. *Ништадтскій миръ.*

Въ трактатѣ Ништадтскомъ, заключенномъ между Россією и Швецією 30 Августа 1721 г., къ Лифляндіи,

Эстляндіи и острову Эзелю относятся три статьи, а именно:

Ст. IX. Всѣ жители провинцій Лифляндской и Эстляндской, равно какъ острова Эзеля, Дворяне и недворяне, и города, лежащіе въ сихъ провинціяхъ, Магистраты, гильдіи и цехи при привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и преимуществахъ, которыми они подъ Шведскимъ правленіемъ пользовались, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

Ст. X. Въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе въ совѣсти; а напротивъ того Евангелическая Вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ Шведскомъ Правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы въ оныхъ и Вѣра Греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла бытъ отправляема.

Ст. XI. Возвратить забранныя Шведскимъ Правительствомъ помѣстья всѣмъ лицамъ, которыя справедливыя требованія на оныя имѣютъ и права свои законнымъ образомъ доказать могутъ.

III. *Жалованныя грамоты преемниковъ Петра Великаго.*

Въ послѣдствіи Россійскіе Государи многократно подтверждали права и привилегіи дворянскихъ обществъ и городовъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ въ жалованныхъ грамотахъ, данныхъ при вступленіи ихъ на престолъ.

Что касается острова Эзеля, то аккордные пункты, заключенные Лифляндскимъ Дворянствомъ, на него не были распространены, потому что Шведы владѣли имъ до заключенія Ништадтскаго мира; въ послѣдствіи же права и привилегіи, съ которыми Эзельское Дворянство перешло въ подданство Россіи, удостоены неоднократныхъ подтвержденій Государей Россійскихъ.

Въ жалованныхъ грамотахъ Екатерины I, при подтвержденіи повторяются ограниченія, сдѣланныя Петромъ Великимъ. Въ грамотахъ Петра II, Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II, права и привилегіи подтверждаются въ той силѣ, «какъ они были конфирмованы Петромъ Великимъ и Екатериною I». Въ грамотахъ Александра I и благополучно царствующаго Николая I, одними и тѣми же словами сказано, что Дворянству и городамъ дозволяется, всѣми сими правами, привилегіями и преимуществами, «елико сообразны они съ общими Государства Нашего установленіями и законами, свободно пользоваться».

Въ теченіе почти уже полутора вѣка законы мѣстные Остзейскаго Края, основанные на аккордныхъ пунктахъ городовъ и земства и подтвержденные жалованными грамотами Государей Россійскихъ, сохраняютъ всю свою цѣлость и силу. Даже, согласно съ обѣщаніемъ Петра Великаго «не только свято хранить и содержать, но при случаѣ умножить оныя еще обширнѣйшими», сіи права и преимущества распространены и дополнены на основаніи общихъ узаконеній Имперіи.

Древняя Ливонія, столь долго страдавшая отъ внутреннихъ раздоровъ и отъ притѣсненій и насильственныхъ мѣръ своихъ временныхъ властителей, Королей Польскихъ и Шведскихъ, наконецъ узнала блага безопасности, спокойствія, порядка подъ скипетромъ Монарховъ Россіи.

ГЛАВА IV.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГЕРЦОГСТВА КУРЛЯНДСКАГО И ОКРУГА ПИЛЬТЕНСКАГО КЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Курляндскіе Дворяне, собравшись на Ландтагъ, Манифестомъ 6/18 Марта 1795 г. отреклись отъ существовавшей, на основаніи договора 1561 г., ленной связи

съ Польшею, и другимъ, того же числа, постановили: покориться непосредственно и безусловно Имперіи Россійской.

Дворянство Пильтенскаго Округа слѣдовало примѣру Курляндскаго: на собраніи въ Газенпотѣ, Манифестомъ ¹⁶/₂₈ Марта 1795 г., оно также отреклось отъ всякой связи съ Польшею, и другимъ, того же числа, положило покориться Россіи.

Связсходя на просьбы Дворянства Курляндскаго и Пильтенскаго, Екатерина II обнародовала Манифестъ, при Указѣ Сенату 15 Апрѣля 1795 г.; въ ономъ сказано, что Императрица соглашается на присоединеніе Курляндіи и Пильтена на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи и объявляетъ Императорскимъ словомъ Своимъ, что «не токмо свободное исповѣданіе Вѣры, права, преимущества и собственность всякаго въ цѣлости сохранены будутъ, но что впредь каждое состояніе вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми правами, вольностями и выгодами, которыми пользуются древніе подданные Русскіе».

Императоръ Александръ I Манифестомъ 15 Сентября 1801 и Императоръ Николай I жалованною грамотою 9 Февраля 1827 г. подтвердили древнія привилегіи Дворянствъ Курляндскаго и Пильтенскаго во всемъ ихъ пространствѣ, елико они сообразны съ общими Государственными постановленіями и законами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОСТЗЕЙСКАГО КРАЯ.

1) Области, входящія въ составъ Остзейскаго Края, нынѣ подвластнаго Россіи, до присоединенія ихъ къ Россійской Державѣ, хотя и имѣли тѣсныя между собою связи,

но не составляли одного Государства: онѣ находились подъ управленіемъ разныхъ властей; даже и по уничтоженіи ихъ независимости, судьба ихъ была неодинакова. Отъ сего происходитъ первое различіе источниковъ Законодательства *Остзейскаго Края по областямъ*.

2) Въ каждой изъ сихъ областей, въ Лифляндіи, на островѣ Эзелѣ, въ Эстляндіи, Курляндіи и Пильтенѣ, подъ зависимоścią или мѣстныхъ Епископовъ, или Ордена, образовались два главныя состоянія — земское и городское: состояніе *земское* или *дворянское* — изъ ленныхъ владѣльцевъ (вассаловъ), состояніе *городское* — изъ жителей городовъ. Каждое изъ сихъ двухъ состояній отличалось особыми правами, особыми общественными учрежденіями, особыми законами. Отсюда источники *земскаго и городского Законодательства*. Крестьяне были изъ покореннаго племени жителей Края и подлежали дѣйствию законовъ земскихъ.

3) Наконецъ третье, не менѣе важное раздѣленіе источниковъ *Остзейскаго Законодательства*, есть *раздѣленіе онаго по періодамъ времени*.

Съ 1200 до 1561 г. Ливонія (подъ именемъ которой разумѣли тогда и Курляндію), состояла подъ властію Архіепископовъ Рижскихъ, Епископовъ, Гохмейстеровъ и Магистровъ; Эстляндія до 1347 г. — подъ властію Королей Датскихъ, потомъ также Гохмейстеровъ и Магистровъ. Каждый изъ сихъ владѣтелей Края имѣлъ совокупно съ чинами области власть законодательную и издавалъ законы. Въ 1561 г. прекращеніе власти Епископовъ и упраздненіе Ордена произвели переворотъ и въ ходѣ Законодательства. Во второмъ періодѣ Законодательства *Остзейскаго*, Курляндія обратилась въ наследственное Герцогство, состоявшее въ ленной зависимости отъ Польши; округъ Пильтенскій послѣ многихъ перемѣнъ сдѣлался также леномъ Польши. Эстляндія вступила въ подданство Швеціи, а островъ Эзелъ въ под-

данство Даніи, въ которомъ онъ и оставался до присоединенія его въ 1645 г. къ Швеціи. Лифляндія была обращена въ Польско-Литовскую провинцію; но послѣ продолжительной войны, сперва частію, а потомъ вся покорена Шведами. Наконецъ Лифляндія и Эстляндія съ 1710, Эзель съ 1721, Курляндія и Пильтенъ съ 1795 г. вошли въ составъ Россійской Имперіи, и съ сего времени начинается для сихъ провинцій третій періодъ Законодательства.

РАЗДѢЛЪ I.

Обозрѣніе источниковъ Законодательства въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ.

ГЛАВА I.

Земскіе законы въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Время владычества Епископовъ и Ордена.

По формѣ и содержанію своему всѣ источники земскаго Законодательства въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ, во время владычества Епископовъ и Ордена, суть трехъ родовъ: 1) *Грамоты*, относящіяся къ отдѣльнымъ предметамъ Законодательства; 2) *Собранія Законовъ* или *Кодексы*, объемлющіе вполнѣ Законодательство какой-либо области или какого-либо состоянія; 3) *Положенія Ландтаговъ, Мантаговъ* и другихъ собраній; *договоры* между мѣстными владѣтелями Края и т. п.

I. О разныхъ родахъ грамотъ и существѣ ихъ содержанія.

Всѣ грамоты, по своему происхожденію и содержанію, могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) *Буллы* и *привилегіи*, данныя Папами и Римскими Императорами

и Королями, какъ верховными Государями и покровителями Ливоніи. 2) Привилегіи и грамоты, данныя Епископами и Орденомъ, какъ мѣстными владѣтелями Края.

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе памятниковъ каждаго разряда съ означеніемъ ихъ содержанія.

II. О собраніяхъ Законовъ.

Германскіе выходцы, завоевавшіе Остзейскій Край въ началѣ XIII столѣтія, принесли въ оный свои обычаи, понятія и уставы, въ томъ числѣ и ленную систему. Подъ вліяніемъ сихъ нравовъ, образовались въ послѣдствіи въ областяхъ Ливоніи мѣстные обычаи и законы, которые потомъ, по примѣру также Германіи, были собраны особо для васалловъ каждой области и составили такъ-называемыя *Книги Правъ* (Rechtsbücher). Къ числу ихъ принадлежатъ въ Ливоніи: 1) *Право Рыцарское* (Ritterrecht), которое дошло до насъ въ трехъ разныхъ видахъ (древнее, среднее и исправленное); 2) *Викъ-Эзельское ленное Право* (Wiek-Oeselsches Lehnrecht); 3) *Собранія правилъ или уставъ судопроизводства Фабри или правила для адвокатовъ* (Formulare Procuratorum. — Fabri); 4) *Особыя узаконенія для крестьянъ*.

Далѣе слѣдуетъ исторія каждой изъ этихъ книгъ Права.

III. Положенія Ландтаговъ и Мантаговъ, Договоры и другіе акты.

Съ того времени, какъ мѣстные владѣтели областей Ливонскихъ начали сбираться на такъ-называемые Ландтаги, для совѣщанія по дѣламъ общественнымъ, возникъ новый родъ Законодательства въ *Положеніяхъ Ландтаговъ*. Сии положенія, заимствуя свою силу отъ общаго согласія владѣтелей и депутатовъ сословій, одинаково дѣйствовали въ всѣхъ областяхъ. Они относятся къ

предметамъ общественнаго благочинія и благоустройства, къ монетной системѣ, внутренней торговлѣ, выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и т. п.

Сверхъ того по нѣкоторымъ предметамъ служили источниками Законодательства и *Положенія Мантаговъ*, договоры мѣстныхъ владѣтелей Края между собою, сдѣлки о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и другіе акты, проистекающіе изъ права составлять для себя законы (Аутономіи), коимъ пользовались, такъ же какъ и въ Германіи, каждая область, даже и каждое свободное сословіе.

Отдѣленіе II.

Время Польскаго владычества въ Лифляндіи.

Послѣ присоединенія Лифляндіи къ Литвѣ и Польшѣ, внутреннее устройство сего Края основывалось на постановленіяхъ Короля и Сейма. Королевскія постановленія издавались въ видѣ грамотъ, рескриптовъ, отвѣтовъ на просьбы депутатовъ и проч. Сеймовыя постановленія, касавшіяся Лифляндіи, входили въ общій составъ разнородныхъ положеній каждаго Сейма, по бывшему въ Литвѣ и Польшѣ обычаю. Нѣкоторыя изъ нихъ ограничивались предметами отдѣльными и частными, другія имѣли видъ законовъ общихъ или обнимали большее число предметовъ, и именовались *ординаціями*.

Отдѣленіе III.

Время Шведскаго Владычества въ Лифляндіи.

Всѣ усилія Шведскаго Правительства ввести въ Лифляндію Шведскіе законы оставались долгое время безъ дѣйствія; наконецъ оно воспользовалось учрежденіемъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы присвоить Шведскимъ законамъ силу по крайней мѣрѣ вспомога-

тельнаго Права, въ надеждѣ сямъ отмѣнить вліяніе Права Германскаго и Римскаго на мѣстное Законодательство Лифляндское. Карлъ XII предписалъ особою грамотою во всемъ руководствоваться одними Шведскими законами; но его повелѣніе не могло быть приведено въ исполненіе, потому что въ 1705 почти вся Лифляндія была уже занята Русскими войсками.

ГЛАВА II.

ГОРОДСКІЕ ЗАКОНЫ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ И НА ОСТРОВѢ
ЭЗЕЛѢ.

Отдѣленіе I.

О законахъ города Риги.

I. Время Архіепископовъ и Магистровъ.

1) Грамоты и привилегіи. Городъ Рига, основанный въ XIII столѣтіи Епископомъ Албертомъ, получилъ отъ него первое устройство и первые законы. Отъ Епископовъ и (съ 1250 г.) Архіепископовъ Рига получила привилегіи, которыя подтверждаемы были грамотами Папскихъ Легатовъ и Буллами Папъ. Сія привилегія относится: 1) Къ пожалованію Ригѣ Готландскаго Права съ дозволеніемъ измѣнять оное сообразно съ мѣстными обстоятельствами и духомъ времени. 2) Къ надѣленію города Риги городскимъ округомъ. 3) Къ пожалованію Ригѣ третьей части завоеванныхъ земель въ Курляндіи, Семигаліи и на островѣ Эзелѣ и друг., Магистръ Фонтъ-Монгеймъ подтвердилъ особою грамотою такъ-называемый «мирный договоръ», предложенный городомъ при сдачѣ его Магистру.

2) Статуты города Риги. Еще въ самыя отдаленныя времена Рига имѣла *Статуты*, въ коихъ заключались постановленія, принадлежащія къ законамъ гражданскимъ, уголовнымъ и къ судопроизводству. *Древніе Статуты*

были напечатаны въ 1756 г. *Пуффендорфомъ*, подъ заглавіемъ: *Statuta Rigensia*; они состоятъ изъ 169 статей и заимствованы изъ Гамбургскихъ Статутовъ 1270 г. Сіи Статуты не долго сохраняли силу свою: въ концѣ XIII столѣтія были составлены другіе, извѣстные подъ именемъ «*Oelrichsche Statuten*». Сіи послѣдніе имѣли силу закона до составленія, во время Шведскаго правленія, новыхъ, которые въ употребленіи доселѣ.

3) Такъ-называемые *Civiloquium* 1376 г. и *Burspracke* 1412 г. суть постановленія Магистрата, содержащія въ себѣ общія правила благочинія, которыя ежегодно прочитывались публично всѣмъ гражданамъ. Изъ *Burspracke*, подъ управленіемъ Швеціи, составлены такъ-называемые Вилькирные (Аутономическіе) Законы Риги.

4) Кромѣ означенныхъ выше общихъ законовъ, каждая гильдія и каждый отдѣльный цехъ имѣли свои положенія, называемыя *Шрагами*.

II. Время Польскаго владычества.

Намѣреніе Магистрата въ 1602 и 1604 г. составить проектъ полнаго уложенія осталось безъ исполненія.

III. Время Шведскаго владычества.

Около 1653 г. составленъ Членомъ Рижскаго Магистрата Мейеромъ новый проектъ Рижскихъ городскихъ законовъ. По настояніямъ Рижскаго Магистрата, назначена была, въ 1697 г., въ Стокгольмѣ Коммиссія для разсмотрѣнія этого проекта. Коммиссія при самомъ началѣ своихъ дѣйствій встрѣтила многія сомнѣнія и недоразумѣнія; между тѣмъ послѣдовавшими въ томъ же году Королевско-Шведскими уставами и рескриптами измѣнены и дополнены многія статьи проекта.

Во время производства сей ревизіи въ Стокгольмѣ, Рижскія судебныя мѣста, по признанному неудобству древнихъ Статутовъ, стали руководствоваться новыми,

т. е. составленными Мейеромъ. Сіи Статуты, хотя нѣмъ не утвержденныя, мало по малу введены обычаемъ и стали считаться дѣйствующими законами. Они раздѣляются на шесть книгъ: первая о Магистратѣ, вторая о судопроизводствѣ, третья и четвертая о Гражданскомъ, пятая о Морскомъ, шестая объ Уголовномъ Правѣ. Сіи Статуты сохраняютъ силу свою и донинѣ.

Кромѣ Статутовъ, дѣйствовали въ Ригѣ нѣкоторые уставы и положенія, частію изданныя Шведскимъ Правительствомъ (Уставъ для ремесленниковъ 1669 г. и др.), частію составленные самимъ Магистратомъ (Положеніе объ опекахъ 1591 г. и др.).

Отдѣленіе II.

О законахъ малыхъ городовъ Лифляндскихъ и Эзельскихъ.

Источниками устройства и Законодательства служили грамоты, пожалованныя мѣстными владѣтелями при самомъ основаніи городовъ, или же въ послѣдствіи. Сіи грамоты заключаютъ въ себѣ частію предоставленіе городамъ законовъ и учрежденій Рижскихъ, частію надѣленіе ихъ землями или выгономъ. Правительства Польское и Шведское подтверждали городамъ право пользоваться законами Рижскими.

Раздѣлъ II.

Обозрѣніе источниковъ Законодательства въ Эстляндіи.

— Глава I.

Земскіе законы Эстляндіи.

Отдѣленіе I.

Время владычества Королей Датскихъ и Ордена Тевтоническаго.

I. Грамоты Королей, Гохмейстеровъ и Магистровъ.

Грамоты Королей Датскихъ, дарованныя вассаламъ въ Эстляндіи съ 1238 по 1347 годъ, заключаютъ въ

себѣ: подтвержденіе правъ вассаловъ и земскихъ Совѣтниковъ, обѣщаніе не отдѣлять Эстляндіи отъ Датской Державы и подтвержденіе употреблять земское (вѣроятно Саксонское) Право.

2) *Грамоты Гохмейстеровъ и Магистровъ.* Важнѣйшая изъ привилегій, дарованныхъ Эстляндскимъ вассаламъ Гохмейстерами, есть привилегія Конрада фонъ-Юнгингена 1397 г., которою право наслѣдства въ ленахъ распространено до пятого колѣна мужескаго и женскаго пола; она подтверждена Эрлихгаузенемъ въ 1452 году.

Съ переходомъ Эстляндіи во владѣніе болѣе непосредственное Ливонскихъ Магистровъ, устройство и управленіе оной не измѣнились.

II. Собранія Законовъ.

1) *Ленное Право Вольдемара-Эриха.* Оно было составлено въ 1315 г. Ему служило основаніемъ Ленное Право Саксонское. Право Эриха положило начало устройству и Законодательству въ Эстляндіи.

2) *Красная Книга.* Всѣ грамоты и привилегіи, дарованныя Рыцарству Королями Датскими, Епископами Ревельскими и Гохмейстерами, собраны вмѣстѣ съ нѣкоторыми выписками изъ Ломбардскаго Леннаго Права, съ опредѣленіями общихъ Ливонскихъ Ландтаговъ и съ нѣкоторыми постановленіями Рыцарства Гарріенскаго и Вирландскаго, въ такъ-называемой *Красной книгѣ*, которая получила свое названіе отъ цвѣта ея переплета. Сіе собраніе составлено Секретарямъ Рыцарства, Вольфангомъ Шеффелемъ, въ правленіе Магистра Брюггеней. Она долго служила единственнымъ основаніемъ правъ и привилегій Эстляндскаго Дворянства, а въ послѣдствіи была источникомъ Эстляндскаго Рыцарскаго и Земскаго Права, составленнаго во время Шведскаго правленія.

3) *Собраніе правилъ или Уставъ судопроизводства Фабри.* Собраніе Фабри было составлено и для судовъ

Гарріенскихъ и Вирландскихъ. Сверхъ сего было особое собраніе правилъ для Манрихтеровъ, преимущественно по дѣламъ межевымъ.

4) *Узаконенія для крестьянъ.* Самый древній списокъ Викаго крестьянскаго Права находится въ Красной книгѣ.

III. *Постановленія Лантаговъ и Мантаговъ и договоры.*

Заключенія Мантаговъ, утвержденныя Орденсмейстеромъ, имѣли силу Закона въ Эстляндіи. На Законодательство имѣли вліяніе нѣкоторые договоры Рыцарства и заключающіеся въ судебныхъ протоколахъ Статуты и обычаи.

О т д ѣ л е н і е II.

Время Шведскаго владычества въ Эстляндіи.

I. *Законы Шведскіе.*

Со временъ Эрика XIV до Карла XI всѣ попытки Шведскаго Правительства ввести Шведскіе Законы въ Эстляндію оставались безуспѣшными. Изданныя со времени Карла XI собственно для Эстляндіи или распространенныя на оную постановленія едва сохраняли въ семь краѣ силу и дѣйствіе и то въ видѣ Законовъ вспомогательныхъ потому что были приняты судебною практикою. Сии постановленія собраны въ 1777 г., подъ заглавіемъ: «Auswahl derer wichtigsten in denen Landes und Stadtgerichten des Herzogthums Esthland auch noch jetzt geltenden Königlich-Schwedischen Verordnungen. Reval.

II. *О собраніяхъ мѣстныхъ Законовъ во время Шведскаго владычества.*

1) *Рыцарское Право Княжества Эстляндскаго.* Въ 1593 г. Секретарь Рыцарства, Маврикій Брандисъ собралъ въ систематическомъ порядкѣ всѣ дѣйствовавшія

тогда постановленія, разсѣянныя въ древнихъ грамотахъ, резолюціяхъ и привилегіяхъ, и дополнилъ оныя правилами судебной практики. Сіе собраніе, оконченное, вѣроятно, въ 1600 г., извѣстно подъ заглавіемъ: «*Ritterrechte des Fürstenthums Esthen*». Неизвѣстно, было ли сіе собраніе утверждено Шведскимъ Правительствомъ; но имъ съ начала XVI вѣка руководствовались суда, почему и сохранилось оно во многихъ спискахъ.

2) *Такъ-называемое Рыцарское и Земское Право.* Какъ въ концѣ XVI вѣка Красная Книга оказалась недостаточною, такъ въ половинѣ XVII вѣка подвергнулось сей участи Собраніе Брандиса. Почему Эстляндскіе Ландраты поручили, въ 1648 г., Филиппу Крузе сдѣлать новый Кодексъ Эстляндскихъ Земскихъ Законовъ и обычаевъ. Крузе, при помощи Каспара Мейера, окончилъ сей трудъ въ 1650 г. Сей Кодексъ извѣстенъ подъ названіемъ: «*Des Herzogthums Esthen Ritter-und Landrecht*».

Онъ отличается тѣмъ, что почти подъ каждою статьею указаны источники, изъ коихъ оная составлена. Сіе источники суть: I. *Священное Писаніе*; II. *Мѣстные Законы*; III. *Судебные обычаи*; IV. *Вспомогательные Законы*; V. *Сочиненія разныхъ Писателей*.

Не смотря на то, что Кодексъ этотъ не былъ утвержденъ Шведскимъ Правительствомъ, онъ мало по малу сдѣлался единственнымъ руководствомъ въ Земскомъ Правѣ Эстляндіи и получилъ силу Закона чрезъ 150-лѣтнее непрерывное употребленіе.

III. *Другіе источники Законодательства въ Эстляндіи.*

Сюда относятся два важные источника Права Эстляндскаго: 1) Постановленія Оберъ-Ландгерихта по судебной части. Въ числѣ ихъ Постановленіе 1691 г. и Положенія о Мангерихтахъ 1648, 1653 и 1664 г.

2) Ландтагскія Постановленія. Таковы Возельскія 1596 и 1597 г., и Постановление Ландтагское 1645 г. и т. п.

ГЛАВА II.

Городскіе Законы въ Эстляндіи.

Отдѣленіе I.

О Законахъ города Ревеля.

I. Время Датскаго и Орденскаго владычества.

1) *Грамоты*. Ревель получилъ первые свои Законы и привилегіи отъ Королей Датскихъ. Содержаніе грамотъ, пожалованныхъ Ревелю, относится: 1) къ предоставленію гражданамъ Ревеля правъ и Законовъ Любскихъ; 2) къ надѣленію города пастъбищами, для общаго пользованія жителей; 3) къ торговлѣ; 4) къ судебной власти Магистрата; 5) къ праву города чеканить монету; 6) къ доходамъ города; 7) къ Праву Епископальному. При переходѣ Ревеля во власть Тевтоническаго Ордена, всѣ грамоты, пожалованныя сему городу, были представлены Гохмейстеру Тузмеру и отъ него дано имъ общее утвержденіе грамотою 1347 г.

2) *Кодексъ Законовъ Любскихъ*. Вскорѣ послѣ основанія Ревеля, Законы Любека вошли въ ономъ въ употребленіе. Подъ Любскимъ Правомъ здѣсь разумѣется не только общественное устройство и управленіе города Любека и Права состояній, но также и Законы Гражданскіе и Уголовные. Сверхъ того должно замѣтить, что Магистратъ Любека составлялъ высшую инстанцію по дѣламъ, производившимся въ Ревельскомъ Магистратѣ.

3) *Вилькирные Законы и такъ-называемое гражданское слово (Burschprache)*. Какъ въ Любекѣ, такъ и въ Ревелѣ Магистратъ имѣлъ право издавать постановле-

нія, относящіяся къ внутреннему порядку и благочинію: они были обнародоваемы подъ названіемъ «Вилькиръ». *Burgschrache* существовало въ Ревелѣ, какъ и въ Ригѣ. Оно содержитъ въ себѣ общія полицейскія правила.

4) *Уставы (Шриги) гильдій и цеховъ.*

II. *Время Шведскаго владычества.*

Предоставленное Ревелю право руководствоваться Любскими Законами было признано и подтверждено Шведскимъ Правительствомъ. Король Іоаннъ III, въ 1570 г., сверхъ сего дозволилъ гражданамъ Ревельскимъ пользоваться Имперскимъ Правомъ, т. е. Римскимъ, какъ оное образовалось въ Германской практикѣ.

Сверхъ того Магистратъ города Ревеля издалъ нѣкоторые уставы и положенія, которые, не бывъ утверждены Правительствомъ Шведскимъ, получили однакожь силу мѣстнаго Закона.

Жители верхней части города, или такъ-называемаго Вышгорода, руководствовались Земскими Законами Эстляндскими.

Отдѣленіе II.

Законы малыхъ городовъ Эстляндскихъ.

На основаніи грамотъ Епископовъ: Буксгевдена 1279 г. и Кивеля 1526 г., Гражданамъ Гапсальскимъ было предоставлено руководствоваться Законами Рижскими; но Король Іоаннъ III въ 1584 г. вмѣнилъ Гапсальскому Магистрату чинить судъ и расправу по Законамъ Ревеля т. е. по Любскому Праву, и, въ случаѣ недостатка онаго, по Законамъ Шведскимъ. Ревельскіе Законы дѣйствовали до 1665 г., когда Эстляндскій Генераль-Губернаторъ Графъ Делагарди возвратилъ Гапсалию Рижское Право.

Города *Везенбергъ* и *Нарва* имѣли Законы Ревеля. Нарвѣ съ сохраненіемъ древнихъ ея привилегій, въ 1626 г., даровано право употреблять и Шведскіе городовые Законы. Граждане *Вейсенштейна* подлежали Земскимъ Законамъ Эстляндскимъ.

РАЗДѢЛЪ III.

Обозрѣніе источниковъ Законодательства въ Курляндіи и Пильтенѣ.

ГЛАВА I.

Земскіе Законы въ Герцогствѣ Курлянскомъ.

Земскіе Законы въ Курляндіи могутъ быть раздѣлены на два разряда: одни относятся къ Публичному Праву и къ учрежденіямъ Правительственнымъ; другіе заключаютъ въ себѣ предметы Права Гражданскаго и Уголовнаго и Права состояній. Къ первымъ принадлежатъ: 1) Актъ подданства 1561 г.; 2) Привилегія Дворянства того же года; 3) Привилегія Готгарда Кетлера 1570; 4) Формула Управленія 1617 г.; 5) Акты соглашенія 1776 и 1793 годовъ.

Важнѣйшіе акты втораго разряда суть Курляндскіе Статуты или Права и Законы, изданные для Дворянъ Герцогства Курляндскаго и Семгальскаго. Курляндскіе Статуты составлены въ 1617 г. Польскими Коммиссарами, наряженными для приведенія дѣлъ сей земли въ порядокъ. Матеріалами для нихъ служили Статуты Пильтенскіе, мѣстные обычаи и Германскіе, особенно же Саксонскіе Законы; въ нѣкоторыхъ частяхъ видно вліяніе Римскаго Права. Статуты сіи, хотя не были утверждены Королемъ и Сеймомъ Польскимъ, вошли въ употребленіе, и всѣ судебныя мѣста начали ими руководствоваться.

Законная ихъ сила не была оспариваема Польскимъ Правительствомъ, которое, напротивъ, въ позднѣйшихъ актахъ своихъ упоминаетъ о нихъ, какъ о Законахъ, дѣйствующихъ въ Курляндіи.

Въ 1649 г. *фонъ-Дершау* составилъ, по порученію Дворянства, исправленное изданіе Статутовъ. Оно не было утверждено Королемъ. Изъ Законовъ о судопроизводствѣ въ половинѣ XVIII вѣка составлена, неизвѣстно кѣмъ, компиляція, подъ названіемъ «*Instructorium*»; она также никогда не была утверждена, но нынѣ постоянно употребляется въ судахъ и служитъ ручною для судопроизводства книгою.

Изданныя въ 1717 г. *Коммиссаріальныя рѣшенія* относились къ Законамъ Гражданскимъ и служили дополненіемъ Статутовъ: они заимствованы большею частію изъ Римскаго Права.

ГЛАВА II.

Городскіе Законы въ Герцогствѣ Курляндскомъ.

Митава дозволено во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться Законами Риги. Сверхъ сего Митава имѣетъ свой Полицейскій Уставъ, данный ей Герцогомъ Фридрихомъ въ 1606 г.

Либавъ имѣла право руководствоваться Законами Риги и особый Торговый Уставъ, данный ей въ 1710 г. Герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

Виндава и *Гольдингенъ* пользовались Законами Риги, и сверхъ того каждый имѣлъ свое Городовое Право.

Гробинъ подлежалъ Законамъ Земскимъ, и не имѣлъ никакихъ привилегій.

Бауске имѣлъ Городовое Право, пожалованное ему Герцогомъ Фридрихомъ въ 1635 г. Въ немъ постановлено, что въ случаяхъ, не опредѣленныхъ симъ Пра-

вомъ, руководствоваться Германскими Законами и земскими обычаями.

Якобштадтъ, основанный Герцогомъ Яковомъ, получилъ отъ него въ 1670 г. Полицейскій Уставъ, утвержденный въ 1788 г., потомъ въ 1765 и наконецъ въ 1781 г. Ему предоставлено во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться Правомъ Магдебургскимъ.

Фридрихштадтъ, учрежденный Герцогинею Елисаветою-Магдалиною, получилъ отъ нея въ 1647 г. Уставъ Полицейскій, подтвержденный Королями Польскими. На основаніи сего Устава, всѣ дѣла рѣшались по оному и Земскимъ узаконеніямъ и обычаямъ, а въ случаѣ недостаточности оныхъ — по Германскимъ Законамъ.

Не смотря на такое множество и разнообразіе Законовъ, данныхъ городамъ, Земскіе Законы мало по малу замѣнили въ нихъ всѣ прочіе съ ограниченіями, введенными обычаями и судебною практикою.

Г л а в а III.

Объ источникахъ Законодательства въ Пильтенскомъ Округѣ.

Пильтенъ и Газенпотъ, на основаніи древнихъ Епископскихъ грамотъ, имѣли Рижское Право. Въ 1611 г. Дворянство Пильтенскаго Округа составило изъ мѣстныхъ Законовъ и обычаевъ Сводъ, извѣстный подъ именемъ *Пильтенскихъ Статутовъ*. Сигизмундъ III далъ ему силу Закона. Сверхъ того, въ 1617 г. на Округъ распространены были всѣ Курляндскія узаконенія, покуда они не противны его учрежденіемъ. Въ послѣдствіи составлены еще три *Устава Судопроизводства*: первый о порядкѣ онаго въ дѣлахъ крестьянъ, второй — въ дѣлахъ безпорныхъ, третій — въ дѣлахъ реституціонныхъ. Всѣ три проекта утверждены Августомъ III въ 1746 и 1756 годахъ.

РАЗДѢЛЪ IV.

О Законахъ вспомогательныхъ въ Остзейскомъ Краѣ, силѣ судебныхъ рѣшеній и дѣйствиі древнихъ обычаевъ.

ГЛАВА I.

ЗАКОНЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ.

Къ числу вспомогательныхъ Законовъ, дѣйствующихъ въ Остзейскомъ Краѣ, и отчасти служившихъ источниками при составленіи мѣстныхъ кодексовъ, принадлежатъ: 1) Законы Германскіе; 2) Уставы Западной Церкви, и 3) Римское Право.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О дѣйствиі Законовъ Германскихъ.

Когда въ XII вѣкѣ начали излагать на письмѣ установившіеся дотоѣ судебные обычаи, и такъ-называемые *Кодексы Законовъ и обычаевъ* вошли въ Германіи въ общее употребленіе, то и въ древней Ливоніи слѣдовали сему примѣру; мѣстныя въ семъ Краѣ Собранія или *Кодексы Законовъ* большею частію заимствованы изъ *Кодексовъ Германскихъ*. Вліяніе Германскаго Права не прекращалось и послѣ составленія мѣстныхъ *Кодексовъ*; оно, и именно Право Саксонское, получило силу вспомогательнаго Законодательства; имъ и постановленіями Имперскихъ Сеймовъ дополнялись Законы мѣстные, когда они оказывались недостаточными, и на оныя ссылались въ судебныхъ мѣстахъ. При вступленіи Лифляндіи въ подданство Королей Польскихъ, особымъ условіемъ постановлено, « что Германскіе Законы будутъ сохранены ненарушимо ». Петръ Великій подтвердилъ обѣщаніе Сигизмунда въ аккордныхъ пунктахъ, на осно-

ваніи коихъ должно «въ судахъ дѣла рѣшить по Лифляндскимъ привилегіямъ, древнимъ обыкновеніямъ и древнему Лифляндскому и Шляхетскому Праву; при недостаткѣ оныхъ— по общимъ Нѣмецкимъ Правамъ, пока не будетъ полное Земское Уложеніе собрано и издано».

Отдѣленіе II.

О дѣйствиіи Уставовъ Западной Церкви.

Древняя Ливонія получила духовное устройство отъ Церкви Римской и состояла подъ непосредственнымъ вліяніемъ Папъ: посему и Каноническое Право имѣло особенное дѣйствіе въ семъ Краѣ и употреблялось въ дѣлахъ духовныхъ, а нерѣдко и въ свѣтскихъ судахъ по дѣламъ гражданскимъ. На основаніи Каноническаго Права, Рижскимъ Архіепископомъ Геннигомъ *Шарфендергомъ* (1424—1448 г.) изданъ особый *Церковный Уставъ*, коего дѣйствіе вскорѣ распространилось на всѣ Остзейскія Области.

Распространеніе, въ половинѣ XVI вѣка, Лютеранскаго исповѣданія въ древней Ливоніи, ограничило дѣйствіе Уставовъ Западной Церкви только въ тѣхъ статьяхъ, которыя не согласовались съ догматами Евангелическо-Лютеранскаго исповѣданія.

Отдѣленіе III.

О дѣйствиіи Римскаго Права.

Только съ XVI столѣтія Римское Право распространилось по всему Остзейскому Краю и получило силу вспомогательнаго Права. Оно служило однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для проектовъ мѣстнаго Кодекса.

Со времени присоединенія Ливоніи къ Россіи, ученіе и употребленіе Римскаго Права получили полное развитіе.

ГЛАВА II.

О силѣ и дѣйствиі древнихъ обычаевъ и судебныхъ рѣшеній.

Обычаи были главнымъ основаніемъ всѣхъ письменныхъ Законовъ Остзейскаго Края. Доказательствомъ сего могутъ служить какъ многія узаконенія, въ коихъ ссылаются на обычаи, такъ и въ особенности аккордные пункты, договорныя статьи и Ништадтскій трактатъ. Сила и дѣйствіе обычаевъ опредѣляются также нѣкоторыми общими правилами, означенными въ Законахъ положительныхъ: 1) обычаи не должны быть противны Божескому праву и правамъ Высочества, т. е. Власти Державной; 2) не должны быть противны положительному Закону; 3) должны быть согласны съ правилами справедливости и не противорѣчить здравому смыслу; 4) должно быть доказано, что они суть постоянно-дѣйствующіе.

Что касается силы судебныхъ рѣшеній, которыя всегда имѣли дѣйствіе съ судебныхъ мѣстахъ древней Ливоніи, то и Шведское Правительство дозволяло ссылаться на оныя: 1) когда послѣдовало нѣсколько сходныхъ рѣшеній въ высшей судебной инстанціи той Губерніи или Области; 2) когда они были не противны точнымъ словамъ Закона положительнаго; 3) когда не были отмѣнены высшею инстанціею. Сими правилами руководствовались въ отношеніи къ судебнымъ рѣшеніямъ, какъ кажется, и въ прочихъ частяхъ Остзейскаго Края.

РАЗДѢЛЪ V.

О вліяніи общаго Россійскаго Законодательства на мѣстное Остзейское.

Съ присоединеніемъ Остзейскаго Края къ Россійской Имперіи, нѣкоторые роды Законовъ, дѣйствовавшихъ

въ ономъ, вовсе измѣнились, другіе подвергнулись измѣненіямъ частнымъ; наконецъ нѣкоторые остались въ прежней силѣ и дѣйстви.

Къ *первому* разряду принадлежали тѣ роды Законовъ, которые были несогласны съ самымъ существомъ присоединенія, т. е. съ правилами Высочайшей Самодержавной власти и съ духомъ общаго Законодательства Имперіи. именно: 1) Законы основныя; 2) Учрежденія Государственныя; 3) Уставы о службѣ Государственной; 4) Уставы о податяхъ и пошлинахъ, наконецъ 5) Законы Уголовныя.

Въ Законахъ *второго* разряда, общіе Уставы Имперіи большею частію примѣнены и къ Остзейскому Краю, однакожь по мѣстнымъ обстоятельствамъ сохранены, въ видѣ изъятія, нѣкоторыя изъ прежнихъ постановленій; таковы суть: 1) Уставы о повинностяхъ; 2) Уставы Казеннаго Управленія; 3) Уставы Благоустройства; 4) Уставы Благочинія.

Наконецъ, что касается Законовъ и учреждений *третьяго* разряда, то при самомъ присоединеніи Остзейскаго Края къ Имперіи, Государямъ Россійскимъ благоугодно было принять въ уваженіе просьбы и желанія мѣстныхъ жителей о сохраненіи такъ-называемыхъ привилегій ихъ, то есть оставить въ силѣ слѣдующіе пять классовъ узаконеній: 1) Учрежденія судебныя и полицейскія; 2) Законы о состояніяхъ; 3) Законы гражданскіе; 4) Уставы судопроизводства гражданского и уголовного, съ нѣкоторыми однакожь по измѣнившимся обстоятельствамъ исправленіями и перемѣнами частными.

Сія послѣдніе пять родовъ постановленій, по плану, начертанному незабвеннымъ Графомъ Сперанскимъ и удостоенному Высочайшаго утвержденія, составляютъ предметъ Свода мѣстныхъ узаконеній Губерній Остзейскихъ. Частныя изъятія по прочимъ разрядамъ Законодательства будутъ въ послѣдствіи изданы особо, въ видѣ

приложенія къ общему Своду Законовъ, и расположены по плану онаго, съ означеніемъ самыхъ статей, къ которымъ оныя относятся.

Наконецъ третья часть «Историческихъ свѣдѣній» содержитъ мѣры, которыя, со времени присоединенія Остзейскаго Края къ Россіи, были принимаемы для приведенія въ систематическій порядокъ мѣстныхъ онаго узаконеній. Содержаніе этой части изложено въ началѣ нашего обозрѣнія.

Нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ Николаемъ I-мъ приводится въ исполненіе обѣщаніе Петра Великаго Остзейскому Краю: *Сводомъ мѣстныхъ Законовъ онаго «удостоверяется сила и дѣйствіе ихъ въ настоящемъ и полагается твердое основаніе къ постепенному ихъ усовершенію въ будущемъ»* (*).

Г. С.

Древности, изданныя Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, *Высочайше учрежденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторъ. ANTIQUITÉS PUBLIÉES PAR LA COMMISSION PROVISOIRE D'ARCHÉOLOGIE, établie par l'ordre de SA MAJESTÉ L'EMPEREUR près le Gouverneur Militaire de Kiew, Gouverneur Général de Podolie et de Volhynie.* Томъ первый. Тетради 1, 2 и 3. Кіевъ, въ тип. Вальнера, 1846. VI, 24 стр. in-fol., съ XI литографированными таблицами.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что для открытія и сохраненія памятниковъ, объясняющихъ Исторію Юго-западнаго края Россіи, по Высочайшему Повелѣнію Его Императорскаго Величества, учреждена въ 1843 году, при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Во-

(*) Изъ Маниф. 31 Генв. 1833 г.

лынскомъ Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Бибииковъ, Временная Коммиссія, которая составлена изъ Предсѣдателя, его Помощника, Дѣлопроизводителя, Дѣйствительныхъ и Почетныхъ Членовъ, Сотрудниковъ и Корреспондентовъ. Предсѣдателемъ избранъ и утвержденъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Камергеръ Н. Е. Писаревъ, Помощникомъ Предсѣдателя — Коллежскій Ассессоръ, Членъ-Корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, Баронъ С. И. де Шодуаръ. Дѣлопроизводитель — Докторъ Законовѣдѣнія, Ординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра, Надворный Совѣтникъ Н. Д. Иванишевъ. Дѣйствительными Членами Коммисіи въ настоящее время состоятъ: бывшій Ординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра, Статскій Совѣтникъ Максимовичъ; Ординарный Профессоръ Кіевской Духовной Академіи, Статскій Совѣтникъ Чеховичъ; Экстраординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра, Надворный Совѣтникъ Ставровскій; Исправляющій должность Адъюкта того же Университета Селивъ. Здѣсь же должно почтить память такъ рано похищеннаго смертію Экстраординарнаго Профессора Университета Св. Владиміра Домбровскаго, который, по званію Дѣйствительнаго Члена Коммисіи, принималъ въ трудахъ оной весьма дѣятельное участіе.

Дѣйствія Коммисіи ограничивались сперва разборомъ и приготовленіемъ къ изданію письменныхъ памятниковъ, собранныхъ въ Кіевской, Подольской и Волынской Губерніяхъ. Кратковремененъ былъ этотъ періодъ занятій Коммисіи, но онъ увѣнчался замѣчательнымъ результатомъ. Въ 1845 году изданъ первый томъ трудовъ ея, заключающій: 1) акты Луцкаго Братства; 2) акты о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ поземельной собственности въ отношеніи къ крестьянамъ, въ Западномъ краѣ Россіи; 3) Матеріалы для Исторіи Малороссіи. Съ содержаніемъ и важностію этихъ историческихъ ма-

теріаловъ мы познакомили читателей въ свое время (*). Второй томъ, уже поступившій въ печать, заключаетъ : 1) акты о Кіевскомъ Братствѣ; 2) Уставъ 1556 года о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ Королевскихъ; 3) Матеріалы для Исторіи Малороссіи послѣ Зборовскаго мира.

Въ настоящее время дѣятельность Коммиссіи распространена и на изслѣдованіе памятниковъ, составляющихъ область мѣстной Археологіи. Государь Императоръ, во время пребыванія въ Кіевѣ, въ 25 день Мая 1845 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: учрежденный при Университетѣ Св. Владиміра Комитетъ для изысканія древностей въ Кіевѣ упразднить, а изысканіе древностей не только въ Кіевѣ, но и въ Губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской возложить на Временную Коммиссію для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденную при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Временная Коммиссія, приступивъ къ исполненію Высочайшей воли, прежде всего обратила вниманіе на изысканіе древностей, о которыхъ письменные памятники не сохранили никакихъ извѣстій, или сохранили неясныя намѣтки. Въ ряду подобныхъ памятниковъ главное мѣсто занимаютъ курганы, которыми, съ незапамятныхъ временъ, устѣяны равнины Югозападной Россіи: на нихъ прежде всего Коммиссія обратила свое вниманіе. Къ описанію древнихъ памятниковъ Югозападной Россіи, Коммиссія сочла не излишнимъ присоединять извѣстія о древностяхъ, открываемыхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, чтобы, чрезъ наглядное сравненіе, придать описываемымъ предметамъ болѣе ясности и содѣйствовать Наукѣ въ достиженіи правильныхъ результатовъ. Съ этою цѣлію предпринято изданіе вышеупомянутыхъ памятниковъ, которое будетъ

(*) См. Ж. М. Н. Пр. Ч. XLIX, Отд. VI, стр. 23 и 91.

выходить тетрадами, по мѣрѣ открытія матеріаловъ. Появивъ вышло три тетради сихъ «Памятниковъ». Въ первой заключается предисловіе, откуда заимствовали мы вышеприведенныя извѣстія; во второй рисунки (съ объяснительнымъ текстомъ) кургана Перепетовки, находящагося Кіевской Губерніи въ Васильковскомъ Уѣздѣ, и въ третьей — рисунки (также съ объяснительнымъ текстомъ) кургановъ въ селѣ Успенскомъ, въ 30 верстахъ отъ Москвы.

Прежде нежели мы приступимъ къ изложенію содержанія текста «Памятниковъ», долгомъ почитаемъ обратить особенное вниманіе читателей на внѣшнія достоинства этого изданія. Первая тетрадь заключаетъ въ себѣ четыре заглавные листа и шесть страницъ предисловія. Два заглавные листа, первый и четвертый, отпечатаны золотомъ, розовою и черною красками, а другіе два, средніе, литографированы и отпечатаны золотомъ, серебромъ и различными колерами, съ изящными бордюрами. Особенно красивъ второй изъ сихъ заглавныхъ листовъ, слова котораго составлены вязью и окаймлены бордюромъ, въ древнемъ Русскомъ стилѣ, отпечатаннымъ серебромъ, черною и красною красками. Предисловіе, напечатанное, какъ и весь послѣдующій текстъ, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, окаймлено бордюрами, которые весьма искусно составлены изъ хоругвей, древнихъ крестовъ, чашъ, Великокняжескихъ шапокъ, древняго Русскаго оружія, монетъ и изъ другихъ предметовъ Отечественныхъ древностей, увѣнчанныхъ двуглавымъ орломъ, и отпечатаны золотомъ и различными красками. Текстъ второй и третьей тетрадью отпечатанъ крупнымъ, четкимъ и красивымъ шрифтомъ, съ золотыми и разноцвѣтными бордюрами, составленными также изъ предметовъ Отечественныхъ древностей. Относительно исполненія приложеній не остается желать ничего лучшаго: кромѣ отличнаго достоинства сихъ